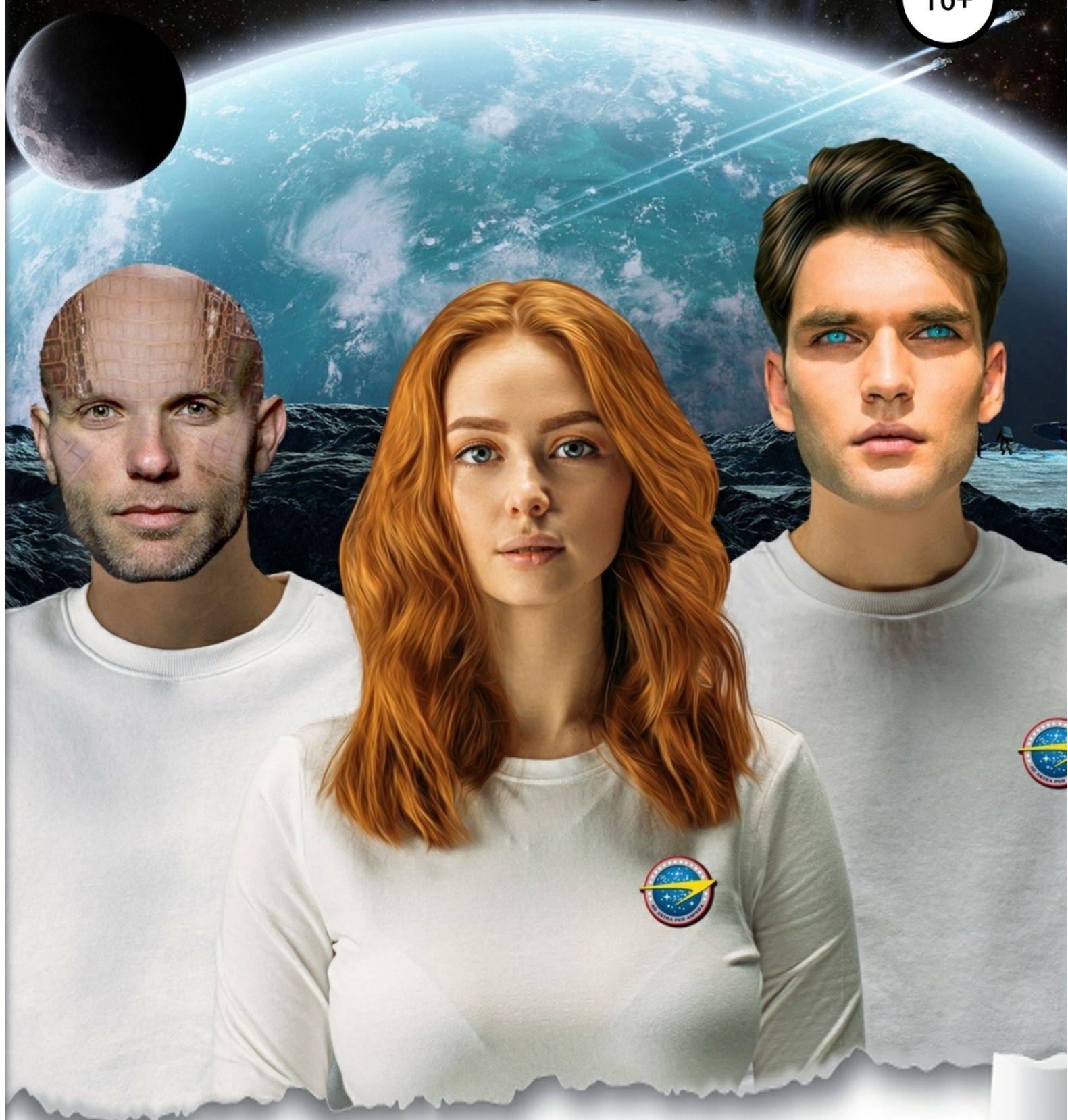

Виктория Серебрянская

16+

Полет Одногодневки

Виктория Серебрянская

Полет Однодневки

«Автор»

2020

Серебрянская В.

Полет Однодневки / В. Серебрянская — «Автор», 2020

Я с детства бредила космосом и полетами. Ради своей мечты я была готова на многое. Наверное, даже убить. И я шла к своей мечте, без нытья перенося все невзгоды и трудности. Когда Звездная академия распахнула передо мной свои двери, я решила, что это последняя ступенька к достижению цели. Что между космосом и мной уже больше нет преград. Я лучшая. И вот до исполнения мечты только шаг. Завтра я получу заветный ключ к своему светлому будущему - диплом пилота. Но реальность и мечты редко совпадают. И мой последний шаг оказался только началом трудного пути вверх, к мечте.

© Серебрянская В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Серебрянская

Полет Однодневки

«Космос – это все, что есть, что когда-либо было и когда-нибудь будет. Одно созерцание Космоса потрясает: дрожь бежит по спине, перехватывает горло, и появляется чувство, слабое, как смутное воспоминание, будто падаешь с высоты. Мы сознаем, что прикасаемся к величайшей из тайн»

Карл Саган.

«Не стоит прогибаться под изменчивый мир -

Пусть лучше он прогнется под нас,

Однажды он прогнется под нас.»

Машина времени

Пролог

Космос... Как много в этом слове! Тысячелетиями люди задаются вопросами, глядя в небо, в неведомые пространства, которые манят открытиями и новыми приключениями, новыми возможностями. Эта грозная бесконечная пустота, с миллиардами звезд и планет.

Космос – такой недостижимый и загадочный – долгие века был для человечества страшной тайной. Когда-то, за попытку разгадки которой, даже карали смертью.

Что такое космос? Что вы представляете, когда слышите это слово?

Для меня – это величайшая загадка, не просто небо, усеянное яркими светилами, а что-то невероятное, безграничное и родное! Смотришь на небо и понимаешь, какой же маленькой частью этой огромной Вселенной ты являешься.

Человек никогда не был равнодушен к космосу, он как птица стремился вверх. Ведь его всегда восхищало и влекло темное и непостижимое. Другой мир, красоту которого невозможно описать. Тайна, которую невероятно сложно разгадать. Покорить бездну, столь недостижимую и волнующую, прикоснуться к бесконечности.

Именно поэтому космос так манит человечество. Масштабы космического пространства будоражат наше воображение.

Космос – это наше будущее, которое стремительно ворвалось в нашу жизнь, неожиданно став настоящим. В космосе – следующие ступени нашей эволюции, ответы на вопросы, возможности решения многих экономических, экологических, социальных проблем.

И вот сейчас, глядя в будущее, безусловно, верю, что наша история, история нашей цивилизации не закончится на Земле! Ведь мы, наша Земля, лишь крошечная песчинка в огромном космосе.

И кто знает, может быть в будущем, спустя столетия, человек сможет посещать другие планеты с такой же легкостью, как сейчас мы летаем в другие страны.

Глава 1

2159 год

О космосе я мечтала сколько себя помню. Даже не мечтала, я бредила им. Бредила полетами в космосе. В старшей школе девчонки обсуждали моду и как подцепить перспективного жениха, чтобы вырваться из наших трущоб, а я разбирала сложные формулы высшей математики и зубрила астрофизику. Я тоже мечтала вырваться из бедных кварталов заштатного городишки. Но только не посредством брака с залетным столичным принцем. Которых, кстати, как известно, на всех не хватает. Я мечтала улететь не только из родных трущоб, я отчаянно надеялась улететь с Земли вообще. Откуда такие мечты, было не понятно даже мне самой.

Пока я была маленькой, папа только посмеивался над моими наивными чаяниями. Мама ворчала и заставляла «выбросить дурь из головы» и заняться чем-то нужным. Например, убрать в нашем крошечном домишке, где из-за младших братьев-близнецов порядка не было никогда.

Я делала вид послушной дочери. В течении десяти минут расшвыривала все валяющееся под ногами по темным углам. Торопливо поднимала метелкой тучу пыли с пола. А затем так же торопливо прибавала ее к полу замусоленной тряпкой. А затем с чистой совестью шла куда-нибудь подальше мечтать.

Шло время. Чем старше я становилась, тем больше обязанностей по дому у меня появлялось. Тем более, что за неделю до моего пятнадцатилетия в семье появилась маленькая сестренка.

Теперь мне приходилось уже не только убирать в доме, но и готовить еду, стирать белье, присматривать за младшими братьями. И на учебу стало очень сложно выкроить время. К сожалению, хоть папа и любил меня, но все равно считал, что девчонке не нужно образование. Выскочит замуж, нарожает детей и будет сидеть дома. Главное, чтобы умела мужа обиходить.

Чем старше я становилась, тем больше с меня требовали. Мама после рождения сестренки стала сильно хворать. И постепенно обязанности по «обихаживанию мужчин в доме» переключались ко мне. И я, задолго до обзаведения собственной семьей, люто их возненавидела.

Наша семья была небогатой. Но и не бедной. Некоторые мои подруги были намного беднее нас. Но тем не менее, дарить подарки на дни рождения в нашей семье было не принято. Я вообще до определенного времени не знала, что так бывает. Что так можно. Свой самый первый подарок я получила на восемнадцатилетие. И совсем не от своих родных.

Мое восемнадцатилетие припало на выходной день. Мама снова хворала. И не выходила из спальни.

Братья, проглотив нехитрый завтрак, умчались на каток. Зима в этом году была лютая и затяжная. Конец марта, а за окном сугробы по пояс. Братья отправились на замерзший пруд в конце нашей улицы погонять в хоккей, пока есть такая возможность.

Папа с соседом засел на кухне «отмечать» мое совершеннолетие. И я периодически ловила на себе хитрые неприятные взгляды папиного компаньона по бутылке. Не то, чтобы я не знала, что означают такие взгляды. Но наш сосед был всего на пять лет моложе папы и думать о нем, как о мужчине было неприятно. Тем более, рассматривать его, как потенциального кандидата в мужа.

Я старалась игнорировать его, делала вид, что не понимаю его намеков и утешала себя тем, что я еще не окончила школу. А как бы мне не было тяжело физически, я не хотела бросать школу. Мне необходимо был аттестат как воздух. Чтобы осуществить свою мечту.

Вот в этом месте мои планы буксовали. Я не знала в какое учебное заведение нужно поступать. И вообще, где на Земле можно выучиться на пилота космического корабля. Но решила пока не ломать над этим голову. Будет аттестат, найду куда поступать. Пойду в город-

скую библиотеку и поищу в интернете, какие учебные заведения учат летать на космических кораблях.

Я нарезала еще хлеба и добавила на стол домашних соленых грибочков, ловко уворачиваясь от жестких пальцев соседа, которыми он все норовил меня ущипнуть. Папа был уже прилично пьян и не мигая смотрел на экран старенького телевизора. Показывали последние новости. Я не вслушивалась в унылое лепетание местной ведущей. Мне никогда не было интересно, какую машину купил себе наш мэр, или какую рыбину выловили в пруду на окраине города. Но вдруг бормотание прервалось буквально на полуслове. Сосед удивленно крикнул и пихнул в бок папу:

– Слышь, сосед, кажись чегойсь стряслось. Вона, федеральные новости будут болтать.

Я изумленно повернулась к телевизору. Федеральные новости по выходным у нас показывали раз в день, вечером. А сейчас на часах было десять тридцать утра. Но на телевизионном экране тем не менее уже появилась заставка федеральных новостей. А через пару секунд картинку с эмблемой федерального телеканала и государственной символики вдруг сменило лицо нашего президента. У меня почему-то екнуло сердце. словно предчувствуя перемены.

В кухне раздался взволнованно-торжественный мужской голос:

– Дорогие мои сограждане! Сегодня знаменательный для нас день!..

Сердце забилося еще сильнее. Я даже дыхание затаила, пока президент напыщенно вещал что-то о том, что мы прошли долгий и тяжелый путь. Волнение почему-то душило и отдавалось грохотом в ушах. Кое-как я успокоилась. И как раз вовремя:

– ...сегодня совет Звездного Альянса принял решение в пользу Земли. – президент сделал торжественную паузу – Мы, дорогие сограждане, отныне полноправные члены Звездного Альянса. Имеем право работать и учиться на других планетах, отдыхать...

Я взволнованно перевела дух. Самое важное для себя я услышала. Я могу учиться в Альянсе! Я точно получу так необходимый мне диплом!

Вновь увернувшись от наглых пальцев соседа, я выскользнула из кухни. Мне нужно готовиться к поступлению!

К школьному выпускному меня уже не слабо потряхивало. В нашем земном интернете информации было с кошкины слезки. Земля уже подключилась к галанету – своеобразному интернету Звездного Альянса. И из нашего городишки выйти в галанет тоже можно было. Только очень дорого. Но я нашла выход.

Под видом того, что у нас в городе нет необходимой мне для подготовки к выпускным экзаменам литературы, я съездила в соседний областной центр. Город, не в пример крупнее нашего, меня просто оглушил. Ошалевшая, я с трудом нашла библиотеку и устремила к общественным компьютерам.

Мне ждало жуткое разочарование – очередь к ним была расписана на неделю вперед. Пришлось записываться и возвращаться домой, не солоно хлебавши.

Зато в следующее воскресенье я получила все, что хотела. И даже больше.

Я не знала толком, что нужно искать. Ввела на удачу запрос «Поступить учиться на пилота». Мне повезло наткнуться на сайт Звездной академии. Моему восторгу не было предела! В этом учебном заведении обучали по множеству разных специальностей. Но я видела только одну. Я видела возможность осуществить наконец, свою мечту.

Тут же, на сайте, предлагали заполнить анкету для поступления. Что я и сделала трясущимися руками.

Все мои ответы принимались мгновенно. Даже то, что школьный аттестат я смогу предоставить позднее. У меня только зачем-то запросили номер школы. Я пожала плечами на идиотское требование и ввела. После этого последовала секундная пауза. И я заволновалась: не пропал ли интернет? Но ответ был принят.

А дольше всего компьютер думал над моим ответом на вопрос о расовой принадлежности. Сначала я ввела «Европейка». Но уже нажимая кнопку ввода поняла абсурдность своего ответа. И точно. Строка мгновенно загорелась красным, предлагая исправить текст.

Я последовательно перебрала несколько ответов, включая такие как «Человек», «Homo sapiens» и даже пробовала ввести свою национальность. Но строка неумолимо кричала красным о том, что ответ не верен.

В конце отчаявшись, я забила в противную строку «Планета Земля». Строка зависла. Словно не знала: принимать ответ или нет? Словно пробовала на вкус его.

Прошла секунда. Потом другая. Меня уже начало потряхивать от ужаса, что вся моя затея с треском провалится даже не начальном этапе. А где-то на подготовительном.

Где-то секунде на четвертой возле упрямой строки торжественно появилась зеленая галочка. Принято! Как я не завизжала от радости на всю библиотеку не знаю.

В конце мне предложили ввести свой мейл, так как именно на него мне придет информационное письмо со всеми подробностями.

После своего визита в библиотеку и заполнения формы на сайте Академии я начала зубрить, как одержимая. Время на отдых и сон сократилось до четырех часов в сутки. Я пробовала спать и по три часа. Но быстро поняла, что один час, украденный у сна, не только не прибавляет мне знаний, но и наоборот, переводит насмарку весь мой труд, так как не выспавшаяся и не отдохнувшая голова отказывалась усваивать новые знания.

Отдельная история была с физической подготовкой. На сайте я вычитала нормативы, которые мне придется сдать, если я хочу летать в космосе. Наверное, там не было ничего запретного, но старенький и вечно пьяный физрук в нашей школе проводил уроки кое-как. Часто вообще забывал про них. А оценки ставил исходя из личных предпочтений.

Мне трижды повезло, что в нашем классе учился внук физрука – по иронии судьбы бледный, худенький и анемичный парень. Наверное, именно поэтому в журнале у нашего класса были только пятерки, кое-где разбавленные четверками. Внука физрук оценками не обижал. Ну а остальные, на его фоне выглядящие просто былинными богатырями, получали высшие баллы за компанию. Чего стоила такая оценка, я думаю, объяснять не надо.

На сайте значилось, что женщины сдают нормативы в виде бега и наклонов туловища вперед. И если наклоны вопросов у меня не вызывали. Ну почти. То кросса я очень боялась. Последний раз я серьезно бегала в шестом классе, когда нечаянно толкнула старшеклассника и он облился напитком, который в этот момент пил.

Удирать на невероятной скорости пришлось по двум причинам. Во-первых, как оказалось, его одноклассники понятия не имели, что парня бабушка заставляет пить молочные коктейли. Вроде, не по возрасту напиток, хоть и для «здоровья». А во-вторых, разлитый на ширинку брюк белый пенный напиток выглядел очень двусмысленно. В нас двоих еще очень долго тыкали пальцем и ржали при встрече.

Теперь же я старалась бегать при каждом удобном случае. И все равно тряслась, как осиновый лист, от ужаса, что не наберу проходной балл по физподготовке.

О том, как я буду добираться до Академии, находящейся где-то на астероиде Тускон в созвездии Ориона, я старалась не думать. Это была проблема. Как и деньги на билет.

Глава 2

Как показало время, настоящая проблема ждала меня впереди. И пришла она оттуда, откуда я ее совсем не ждала.

Результатом моей сумасшедшей зубрежки стало то, что выпускные экзамены в виде тестирования я сдала блестяще, на высший бал. На выпускном балу, против обыкновения, присутствовал мэр нашего города. Я только потом, после прочувствованной речи директора нашей школы поняла почему. Таких идеальных аттестатов в нашем городке еще не было.

Мэр, пряча под раздутой важностью изумление, вручил мне «красный» аттестат с одними высшими баллами по всем предметам, золотую медаль и... денежное вознаграждение. У меня на сердце потеплело. Одной проблемой меньше. Деньги на дорогу есть. На сколько я могла судить, сумма мне причиталась не маленькая. А самое главное, что принадлежала она лично мне. Лежала на банковском счету, открытом на мое имя. А в руках я держала свою самую первую банковскую карту.

После торжественной части папа попытался выдернуть карту у меня из рук, со словами, что у него она будет целее. Но я ловко увернулась и спрятала карту вместе с ненужными папе документами об окончании школы.

Гулять я планировала до традиционной встречи рассвета. Но ушла очень рано, едва за полночь. А все потому, что каждый из моих одноклассников считал своим долгом записаться в мои друзья. А раз мы друзья, то я просто обязана друзей угостить выпивкой. Ведь деньги-то у меня есть! И свои собственные!

Я некоторое время тактично отмахивалась от подобных поползновений меня раскрутить. Потом уже не совсем вежливо огрызалась. Но, чем пьянее становились парни, тем яснее было мне, что нужно уходить домой, пока не случилось беды. Так что с моими планами погулять не сложилось.

На утро после выпускного я была выпавшаяся, но все равно очень злая. Обидно, когда твои планы летят псу под хвост из-за чьей-то глупости и жадности.

Вторым разочарованием этого утра стало то, что пришлось отложить поездку в библиотеку. Я хотела еще раз зайти на сайт Академии потому, что обещанного информационного письма все не было. Но мама велела сидеть дома с младшей сестрой, потому что ей самой нужно было к врачу и по делам. Пришлось скрепя сердце оставаться дома.

От злости я тщательно убрала в доме, используя даже такую малость в качестве силовой тренировки. Побегала за мелкой, пока она не устала. И, уложив сестренку спать, снова принялась за зубрежку.

В доме было тихо. Отец с самого утра ушел на работу. Мама в поликлинике. Братья где-то шатались, пользуясь каникулами и отсутствием родительского контроля. Так что мне никто не мешал зубрить всеобщий язык. За этим занятием меня и застала мама.

– Крис, ты чем опять занимаешься? – мамин недовольный голос полоснул по нервам – Почему обед еще не готов?

Я подскочила при звуке ее голоса, уронив учебник. Мама подошла, подобрала книгу и посмотрела на обложку, а потом на меня:

– Зачем тебе это? Ты все еще никак не избавишься от своей глупой затеи? Ну какой из тебя пилот? Крис, место женщины дома, подле мужа. Лучше бы поучилась готовить. А то только суп и можешь сварить. Чем мужа кормить собираешься?

Нотации на тему замужества в нашем доме в последнее время звучали все чаще и чаще. Обычно, я молча все выслушивала, но оставалась при своем мнении. Но сегодня злость меня переполняла. Конечно, злилась я не на маму. Хотя нет, и на нее тоже, но совсем чуть-чуть.

Куда большее раздражение вызывало само мое бесправное положение, моя беспомощность и невозможность быстро и ловко разругать ситуацию.

Сегодня ко всему уже перечисленному добавлялось раздражение от того, что мне не дали повеселиться в свое удовольствие хоть раз. И мамина реплика оказалась сродни искре, поднесенной к сухой траве. Вспыхнуло пламя ссоры.

– Ничем! Я ничем не собираюсь кормить мужа! По той простой причине, что замуж я не собираюсь еще по крайней мере лет десять! Потому что мне не интересна жизнь домашней курицы! Потому что я хочу сама зарабатывать, а не кланяться у мужа копейки! Да и те не себе, а ребенку на ботинки! Потому что ребенок весь в папашу и залез в лужу! А обувь взяла и развалилась, потому что ее, мокрую, требовалось срочно высушить, и потому ее положили на горячую батарею! А все потому, что муж для семьи деньги зажимает, а то ему на выпивку не хватит! А сама буду ходить зимой в стоптанных осенних ботинках пятилетней давности! Авось, не сдохну от воспаления легких!

Хрясь!

Мой словесный понос прервала звонкая пощечина. Голова мотнулась в сторону. В ушах зазвенело. Оказывается, это очень больно, когда тебя бьют по лицу. На глаза навернулись слезы. И я почти с ненавистью посмотрела на мать. А она сжимала кулаки и смотрела на меня:

– Неблагодарная! Не смей со мною так разговаривать! Придет отец, я все ему расскажу! И не буду тебя больше от него защищать! Он прав – я тебя распустила!

– И в чем же заключается твое распустительство меня?

Меня несло. И я не могла остановиться. Да и не хотела. Отец зарабатывал очень неплохо. Но я об этом узнала только перед самым выпускным. Раньше я думала, что те деньги, который отец отдавал маме, это все его жалованье. И потому терпеливо переносила отсутствие косметики и не самые модные туфли. Потому что были еще дети. Потому что мама болела и действительно имела на осень и зиму только одну пару обуви. Пусть, она из дому выходила очень редко. Чаще посылала меня или братьев что-то купить или сходить на почту. Но все равно, иногда ей требовалось выйти в больницу самой. И если это случалось морозной зимой, то чаще всего заканчивалось тяжелой простудой.

А за пару недель до выпускного я нечаянно подслушала, как ругались родители. Мама просила у отца больше денег, потому что мне нужно было купить приличное платье и туфли на выпускной. Меня поразила мамина фраза:

– Стас, я знаю, что у тебя еще остались деньги от второй половины жалованья!

– И что? У Яны через десять дней день рождения. Мне эти деньги нужны. Я хочу попроситься к нему в долю на его кирпичный завод. Ходят слухи, что рядом с нашим городом будет построен большой дачный поселок. Спрос на кирпичи вырастет. И, если я буду его компаньоном, а не простым рабочим, то смогу заработать больше. Крис и Стешка и так замуж выскочат. А у нас еще два пацана есть. Им жениться надо. А чтобы найти приличную невесту, нужны деньги. Так что, жена, и не проси. Перешей Криске какое-нибудь свое платье. А мне нужно Яна умастить.

Вот так я и узнала, что отец дочерьми не дорожит. Было больно и обидно. И странно. Я не могла понять, откуда у отца такое пренебрежение к женскому полу. По его словам выходило, что женщины – это второй сорт. А все лучшее должно доставаться мужчинам. А теперь еще и мама...

Мне казалось, что кто-кто, а мама всегда должна понять свою дочь. Понять и поддержать. Ведь я не к плохому стремлюсь. Но мама...

– Кристина! – От маминого резкого окрика задребезжали оконные стекла. – Ты слишком много себе позволяешь! Ты...

Я не выдержала и перебила:

– Что? Ну что я такого себе позволяю? Учусь, чтобы осуществить свою мечту? Так вам не стоит это и копейки! Я все делаю сама! И ничего от вас не прошу! Я сама подготовлюсь! Сама поступлю! Вы еще гордиться мною будете! Даже больше, чем Кравецы гордятся своею Розой! Потому что всем известно: Роза Кравец не сама поступила в институт! Родители за нее дали взятку! А я сама поступлю! Вам и копейки не придется на это выкладывать!

– Кстати о деньгах! Где карта, которую тебе дали на выпускном? Я надеюсь, ты еще ничего не потратила? Отцу нужны деньги! Да и Стешеньке кое-то нужно купить.

Я опешила.

– Что? Но это же мои деньги. Мне их выделил город за успехи в учебе!

– И что? Тебе сейчас ничего не нужно. Все есть. Это раз. Когда что-то понадобится, отец купит. А во-вторых, привыкай. Все воспитанные и послушные дети, устроившись на работу, отдают родителям всю свою зарплату. Потому что родители старше и опытнее, и лучше знают, на что нужно тратить деньги, а без чего можно обойтись.

Я вконец онемела. И смотрела на маму, как будто у нее выросла вторая голова. Или рога. Почему я раньше такого не замечала? Когда все изменилось? Откуда такие дурацкие взгляды на жизнь? Почему вдруг оказалось, что для меня открыта только одна дорога в жизни – замуж? Может, я сплю, и мне снится кошмар? Или нечаянно оказалась в древних веках?

– Кристина! Что ты на меня смотришь? Где карта?

Я медленно попятилась к дверям и отчаянно замотала головой:

– Не дам! И карта, и счет оформлены на мое имя. И я уже совершеннолетняя! Отобрать силой не сможете. А папа пусть поит пивом своего работодателя за свой счет!

С этими крамольными словами я развернулась и выскочила из дому. Меня душила обида. В глазах закипали злые слезы. Я не понимала, что происходит.

В трикотажных шортах и старой футболке, в которых я убирала дома, идти к кому-нибудь в гости было стыдно. Словно оборванка какая. К тому же, настроение было совершенно не гостевое. Но и домой возвращаться прямо сейчас не стоит. Если сейчас увижу маму, то наговорю еще больше гадостей. За свою дурацкую вспышку мне было стыдно. Но в то же время, я не ощущала себя виноватой. Чтобы слить всю ту дикую мешанину эмоций, которые раздирали меня на части, я отправилась на стихийный стадион на соседней улице.

Хотя, «стадион» – это слишком громкое название для такого места. Я не знаю, что тут было раньше. Или что планировали построить. Сейчас это была просто неровная площадка вытоптанной земли. На противоположных концах которой имелись импровизированные «ворота» из вкопанных в землю кривых стволов деревьев и аккуратно выложенных в виде скобы камней, которые, собственно, и ограничивали «ворота». По вечерам мальчишки с нашего района тут гоняли в футбол.

Сейчас было еще рановато для футбола. На стадионе не было ни единой живой души. Только позади «северных ворот» в тени старого дуба дремала лохматая дворняга. Я подобралась к кромке вытоптанной земли и побежала. Бег поможет подтянуть физическое развитие. И избавиться от дурных мыслей.

Избавление от злости оказалось гораздо более трудоемким процессом, чем мне представлялось. Солнце уже потянулось к горизонту, когда я наконец-то почувствовала, что начинаю успокаиваться. И сразу же навалилась усталость.

Я остановилась. И некоторое время пыталась восстановить дыхание. В вот такой согнутой позе меня и застала ватага мальчишек, пришедших погонять мяч. В их числе были и мои братцы. Марек подошел ко мне поближе:

– Криска, беги домой. По дороге сюды мы батьку видали. Злющий он, и не трезвый. Гляди, попадет тебе за такой наряд!

К совету брата стоило прислушаться. Папа ненавидел, когда я носила короткие юбки или шорты за пределами дома.

– Марек, где вы его видели?

– Да прямо у дома дядьки Яна.

Это было плохо. От дома папиного работодателя, жившего в начале нашей коротенькой улицы, замечательно просматривалось все пространство до самого пруда. Оставалось только одно. Если я не хочу попасться на глаза раздраженному родителю, то домой придется пробираться задворками, через двор бабки Воронихи. Хоть бы старая сплетница меня не заметила! А то проблем потом не оберешься!

Воронихи дома не оказалось. В этом мне повезло. Но меня заметил сосед.

Глава 3

Что делал на задворках нашего дома дядько Павел, всегдашний папкин компаньон по застольям, я не знала. Да и не ожидала я его там встретить. А потому, не особо аккуратно перебравшись через старый шаткий заборчик, едва не уселась на соседа сверху. В самый последний момент сумев все-таки отшатнуться в сторону. И не миновать бы мне гостеприимных объятий зарослей злющей крапивы, если бы дядько Павел не поймал меня за руку.

Шершавые цепкие пальцы ухватили меня повыше локтя и спасли от беды. Я выдохнула и с трудом промямила слова благодарности. Но мужские пальцы не спешили меня отпускать. Я недоуменно посмотрела в лицо своему спасителю. И застыла.

В глазах дядьки Павла плавилось нечто омерзительное, склизкое и маслянистое. Заметив, что я на него смотрю, он ухмыльнулся:

– Ну что же ты замолчала? Продолжай. У тебя такой чудесный голосок – так бы и слушал. А еще лучше, – сосед лизнул кончиком языка свою нижнюю губу, – пойдем ко мне.

Меня затошнило, и я с трудом выдавила:

– Зачем?

Сказала, и сама себя обругала идиоткой. Уж лучше бы сказала, что папа меня ищет и я тороплюсь. А сосед словно только и ждал моего дурацкого вопроса:

– Зачем? Зачем... Ах, зачем! Ну так я тебе сейчас все подробно расскажу. И даже покажу. Пошли, детка.

И пальцы впились в мою руку сильнее. Теперь уже до синяков. Дядька Павел потянул меня в сторону калитки, давно проделанной папой в заборе между нашими участками, чтоб в гости было ходить сподручней. Тем более, что сама калитка находилась прямо напротив двери в дом дядьки Павла. Буквально, в паре метров от порога. Это до наших дверей надо еще умудриться добраться. В обход дома, мимо старой, полуразвалившейся сараюшки, в которой когда-то давно мама хотела разводить курей, сквозь заросли колючей ежевики.

Ежевике папа регулярно грозился извести под корень. Потому как колючая невозможно. Но братья, любившие сладкую ягоду, неизменно защищали грозные заросли. И папа, поругавшись и покричав на всю улицу, уходил залечивать кровавые царапины. А кусты росли себе дальше.

И вот теперь именно из-за ежевики меня никто не увидит в окно. Забор и калитку от взгляда из окна вредные колючки скрывали надежно.

Я занервничала. Попробовала выкрутить руку из цепких мужских пальцев, но ничего не вышло. Дядька Павел только прищипнул на меня:

– Не торопись! Ишь, какая шустрая! Сейчас все будет. А понравится, так и будешь меня и далее навещать. – он хмыкнул – По-соседски.

Не обращая внимания на мое сопротивление, воровато оглядываясь по сторонам, дядька Павел уже почти подтащил меня к калитке. Когда его пальцы коснулись задвижки, запирающей калитку, ужас накрыл меня с головой. Совершенно потеряв голову, не соображая, что делаю, я изо всех сил впила ногтями свободной руки туда, куда дотянулась. Пусть, ногти и короткие, но легко могу оцарапать до крови.

Жаль, что это были не глаза.

Я не сразу сообразила, что нечто мягкое и мокрое под моими пальцами – это губы дядьки Павла. Сосед завопил пожарной сиреной и с силой сжал мое запястье. Понимая, что сейчас случится, я постаралась сжать пальцы как можно крепче. И не ошиблась. Сосед больно дернул меня за руку, отрывая от собственной губы. Надеюсь, я хоть кусочек ему оторвала. Может, хоть после этого он перестанет раздевать меня глазами.

Я думала, что после такого демарша с моей стороны, сосед меня отпустит хоть на мгновение. И я смогу удрать домой. Но я ошиблась.

Оторвав от себя одну мою руку, и, по-прежнему удерживая повыше локтя вторую, дядько Павел прикоснулся пальцами к своей израненной губе. Больно, по-видимому, было сильно. Потому что сосед зашипел, как шипит выплеснутая в горящий огонь вода, и отдернул руку. Посмотрел на свои окровавленные пальцы и, размахнувшись, со сдавленным «с**а!» ударил меня кулаком по скуле. Между прочим, той же самой, которой сегодня уже досталось и так.

В голове что-то взорвалось. Что-то маленькое, но термоядерное. Этот взрыв выжиг все предохранители. Я отключилась.

Приходила в себя наоборот, медленно. Словно всплывала со дна нашего пруда, когда вязкий ил на дне не хочет отпускать, а легкие уже горят от недостатка кислорода.

Кто-то рядом разговаривал. Я постаралась прислушаться. Получилось. Но не сразу.

– ...не реви. Доктор сказал, что черепушка у Криски крепкая. Даже сотрясения нету. Поваляется денек, и все пройдет. Ну чего ты сырость развела?

Мама что-то ответила, но так тихо, что я ничего не разобрала за ее всхлипываниями. Папа в ответ досадливо крикнул:

– Ну а что Павка? Пушай в участке сначала ему мозг промывают. А потом уже я с ним по-свойски побеседую. – В словах папы мне почудилась какая-то угроза. – Нечаво моих девок портить. Как бы я потом в глаза Яну смотрел?

На этот раз мамин ответ, больше похожий на стон, я услышала:

– Так старый для Крис пан Черный.

Папа в ответ хохотнул:

– От ты сказанула, Маричка! Дочка, чай, его не варить будет! А старый конь борозды не портит. И, это, жена, перестань Криску шпынять за учебу. Пушай учиться. Яну нужна ученая жена.

Мама снова что-то очень тихо пробормотала, сопроводив короткую фразу горестным всхлипом. Папа твердо ответил:

– Никаких поступлений! Ото книжки свои пушай читает. А по осени ее окрутим с Яном. Дальше пусть сам решает.

Мне стало горько. Папин начальник, конечно, мужчина видный. И обеспеченный. Да только вдовый он. Года три назад жену похоронил. А жена на семь лет моложе его была. У нас в городке болтали разное. В основном, глупости всякие. А как оно на самом деле было, я не знала. Может, и хороший он. Да только права мама, старый. Не о таком муже я мечтала. Да, если честно, то вообще о муже не мечтала.

Я перестала прислушиваться к разговору родителей, привычно отгораживаясь от реальности мечтами. В мечтах не было ни дядьки Павла, ни пана Черного, ни навязываемого замужества. В мечтах я была пилотом космического крейсера. Самым лучшим пилотом. Самого лучшего крейсера. Я так замечталась, что что не заметила, как уплыла в сон.

Проснувшись поутру, я долго не могла понять, почему так светло. И откуда такие белые стены. Маленькое окошко комнатки, которую я делила с младшей сестрой, выходило на запад. И к тому же в сад. Поэтому солнце никогда в него не заглядывало. А в дождливую погоду часто приходилось включать свет, потому что в комнате из-за пасмурной погоды было совсем темно. Да и стены в комнате были не белыми, а оклеенными бумажными обоями в темно и светло коричневую полоску.

То, что я в больнице, я сообразила только тогда, когда открылась не замеченная мною ранее дверь и в палату вошел усатый пожилой врач с усталыми глазами. Он ощупал меня со всех сторон. Повертел мне руки и ноги. Посветил в глаза маленьким фонариком. А потом, вдвоем с медсестрой, запихнул меня в какой-то аппарат.

В результате всех моих мучений, мне выдали справку о том, что я здорова и отпустили домой.

Дома все было, как всегда. Папа был на работе. Братя опять где-то шатались. Мама что-то готовила на кухне. А сестренка играла перед домом. Но, увидев меня, увязалась следом.

– Криска вернулась!

Мама выглянула из кухни, всплеснула руками:

– Что ж ты не позвонила! Я б тебя бы забрала из больницы.

Я улыбнулась:

– Мам, да я не маленькая, четыре квартала пройти. Да и Стешку на кого бы ты оставила?

Мама смущенно улыбнулась.

– Ну хорошо, отдыхай. Я юшку варю. Твою любимую. Пацаны на рассвете на пруду натаскали хорошей рыбки. А ты иди, отдыхай. – И уже сестре: – Стешка! Не мешай Крис. У нее голова болит!

Мама вернулась на кухню. Сестренка поплелась на улицу. Но надолго ее не хватило.

Я только и успела переодеться, как дверь в комнату приоткрылась и в образовавшейся щели появился хитрющий глаз. Увидев, что я не сплю, и даже не ложилась, Стеша проскользнула в комнату, прикрыв за собою дверь:

– А учола дядьку Павла полисия увела в налучниках!

Я так и села с размаху на кровать и ошарашенно выдала:

– За что?!

Это я, конечно, не подумав. Вряд ли сестренка знает ответ на этот вопрос. У мамы позже спрошу. Но мелкая сплетница меня удивила повторно.

– А за то, что он дал одному поисейскому в молду!

Слово «полицейский» сестренка выговорила с трудом. Но это не помешало ей надуться от гордости от того, что смогла ответить на мой вопрос.

– А папка ему вдогонку кычал, чтоб дядька Павло домой не возвращался, что ему не нужен сосед, убивающий его детей у него же дома.

«Возвращался» и «убивающий» Стешка выговаривала по слогам, смешно наморщив маленький носик от усердия. Обычно меня это усердие умиляло. Но сейчас я его едва заметила. Меня интересовало другое.

– Так дядька Павло был не у нас дома.

– А ты была на нашей тели... толии.

– Территории? – догадалась я.

– Ага. – мелкая закивала от усердия – И в домашней одежде.

Я вспомнила шорты и потрепанную маечку и поняла, что папа даже предположить не мог, что я рискну выйти со двора в таком виде. Ну и ладно. Мне же лучше.

– А еще тебе плишло письмо! Я иглала на улисе, когда поста... пошта...

– Почтальон?

– Ага! Постален плишел и сказал, что письмо Клистине Шваб! И я его взяла!

Я заволновалась:

– Стеша, солнышко, а где письмо? Ты его маме отдала?

– Неа!

Мелкая зараза отчаянно замотала головой и хитро прищурилась.

– А где оно? – я старалась говорить ласково.

– Спъятала!

– Куда? Стешенька, мне оно очень нужно!

– А что ты мне за него дашь?

Вот вымогательница мелкая!

– Конфетку?

– Неа!

– Пряник?

– Неа!

– А что ты хочешь?

На меня с торжеством посмотрели:

– Пиёжное!

Я чуть не расхохоталась. До того умилительно выглядела сестренка. Ну, пирожное, так пирожное.

– Хорошо. Только не сегодня. А то мне придётся маме объяснять, куда мы идем. А мама хочет, чтобы я сегодня никуда не ходила. Я сегодня отдохну, а завтра, когда мама будет чем-то занята, мы с тобой сходим в кондитерскую на соседней улице. Хорошо? И ты сама себе выберешь пирожное?

У Стеши загорелись глаза.

– А ты меня не обманешь?

– Честное-пречестное слово!

– Ну ладно!

Мелкая важно прошествовала в угол, где стояла коробка с ее игрушками. Залезла в нее обеими руками по самые плечи и чем-то загремела. Я от нетерпения почти подпрыгивала на кровати. Наконец, сестренка вынырнула из коробки и с победным видом вскинула вверх руку с зажатым в кулачке обыкновенным белым конвертом.

Меня накрыло разочарование. Конверт самый простой. Значит, не из Академии. О том, что мне просто больше некому писать, я даже не задумалась.

Потом возникла мысль, что из Академии должно прийти электронное письмо. И захотелось сию минуту кинуться проверять свою почту. Но моей реакции на бумажное письмо ждала сестренка, глядя доверчивыми глазами. Тихонько вздохнула. Мелкая чутко уловила смену моего настроения и спросила:

– Ты не лада этому письму? Оно от плохого человека?

– Да откуда ж я знаю. Ты же мне не даешь его. Отдай конверт, чтобы я могла прочитать.

Наверное, придется сейчас сочинять сказку. Я уже морально готовилась описать несуществующую историю с прекрасным принцем, когда в мою подставленную ладонь лег конверт и я буквально задохнулась, увидев обратный адрес.

Глава 4

Лето в этом году было жаркое, как никогда. На календаре начало июля, а трава уже выгорела до сизости, местами просто превратившись в сено. Деревья стояли несчастные, поникшие от жары. Даже тень от них была какой-то жалкой, куцей, не спасающей от нестерпимого зноя.

Счастливы были те, кому в эти по-адски теплые денечки не нужно было спешить на работу. Кто мог спрятаться под кондиционером или понежиться в прохладной водичке пруда.

Я к категории счастливиц не относилась. Пусть мне еще не нужно тащиться на опостылевшую работу. Хватит того, что мне в такую жару пришлось трястись на рейсовом автобусе в соседний город.

А все началось с письма, которое за меня получила Стешка. Оно оказалось из центральной библиотеки соседнего города, откуда я выходила в галанет. В письме сообщалось, что на мое имя на библиотечную почту поступило письмо. И мне предлагалось в кратчайшие сроки приехать, чтобы его прочесть. В противном случае библиотека слагала с себя любую ответственность.

Один день я уже и так пропустила. Так как по приходу из больницы мне не стоило даже заикаться о поездке в соседний город. Я и сегодня выдержала целое сражение с мамой за решение на поездку. Совершенно неожиданно меня поддержал отец.

Дело в том, что я соврала о цели своей поездки. Сказала, что позабыла сдать одну книгу, которую брала для подготовки к экзаменам, и вот теперь библиотека мне об этом напоминает. Конверт со штампом и обратным адресом, который я показала маме, призван был послужить доказательством.

Мама все равно не хотела пускать. Даже несмотря на то, что я горячо ее заверила в своем отличном самочувствии.

Папа посмотрел на мельтешащий в моих руках конверт и, выходя из дому на работу, сурово велел отвезти книгу, пока нас не опозорили на весь городок штрафом из-за моей забывчивости.

Мама поджала губы и отпустила меня. Но в дороге строго настроила наказала держать при себе телефон, бутылку воды, и нигде не задерживаться.

Я, не особо вникая в материнский наказ, покивала, запихнула подсунутую бутылку воды и несколько яблок в потрепанный рюкзачок к книге, которую я должна была «вернуть» в библиотеку и торопливо помчалась на вокзал.

Я нервничала и дергалась всю дорогу от дома до вокзала, потом рейсовый автобус и от вокзала до библиотеки. Очень сильно переживала, что у меня нет записи на доступ к галанету. Как в таком случае я смогу просмотреть письмо?

Но мои страхи оказались напрасными. Дежурная библиотекарь не только предоставила мне доступ для прочтения письма, но и любезно распечатала его, когда я в ужасе поняла, что не в состоянии запомнить все инструкции.

Письмо оказалось из Академии. В нем сообщалось, что, учитывая мои школьные успехи, для поступления мне нужно сдать только два экзамена из четырех. А именно: физическую подготовку и всеобщий язык.

Я мимолетно удивилась: откуда они знают о моих школьных успехах? Хотя, наверное, не зря они уточняли номер школы. И ужаснулась предстоящим экзаменам.

Еще в письме была подробная инструкция, как добраться в академию, потому что я была единственной абитуриенткой с Земли. Собственно, абитуриентов из определенных точек забирал транспорт, принадлежащий академии. Но ближайшая к Земле такая точка находилась в соседнем звездном секторе. Меня затопила паника.

К счастью, в библиотеке расписанная очередь существовала только к тем компьютерам, которые были подключены к галанету. Обычный земной интернет спросом не пользовался. Так что я уже через час имела на руках поэтапный план своего путешествия. Хорошей новостью было то, что денег, подаренных мне мэром, на дорогу хватало. Плохой новостью было то, что хватало только в одну сторону. То есть, права провалится на экзаменах у меня не было. А самой ужасной новостью было то, что выезжать нужно было уже завтра. Иначе, я рисковала не успеть к началу вступительных экзаменов.

Время пролетело незаметно. Я сумела распланировать свою дорогу и заказать билеты. Несмотря на то, что я делала это впервые и у меня жутко дрожали руки, у меня все получилось. В автобус домой я садилась в состоянии легкой эйфории. Я встала на путь к своей мечте! И фактически уже сделала первый шаг! Настроение не портило даже то, что причина для отъезда все никак не находилась. Но я верила, что у меня все получится.

По всей видимости, свою удачу я потеряла где-то на пороге библиотеки. Потому что проблемы начались уже по пути домой.

Сначала мы больше часа простояли в пробке на трассе из-за того, что где-то впереди произошла авария. Уже начала беспокоиться мама. Я честно объяснила ей, что сижу на жаре в автобусе, не зная, когда тронемся. И поблагодарила за подsunутую воду и яблоки. Они мне оченьгодились. Мама сразу подобрела. Но строго приказала нигде не задерживаться, а идти сразу домой. Я клятвенно пообещала с легким сердцем. Я действительно не собиралась нигде задерживаться.

Вторая проблема меня поджидала за углом автовокзала. Вернее, я почти врезалась в эту проблему.

Выйдя из здания вокзала, я сразу зашагала в сторону остановки общественного транспорта. Уже был вечер. Дневная жара спала. Но горячий ветер комфорта не добавлял. Пот уже не заливал глаза. Но за время сидения в автобусе на самом солнцепеке моя одежда насквозь им пропиталась. И теперь моя футболка почти задубела и неприятно липла к телу. Я дико устала. Способ уговорить родителей все не находился. Голова мыслить отказывалась. Хотелось одного: в душ и прилечь, пока ноги не отказали от усталости совсем. Занятая своими невеселыми мыслями, выросшее на пути препятствие увидела в последний момент.

Подняв глаза вверх, я почувствовала, как моя душа проваливается в пятки. А потом еще куда-то пониже. Передо мной стоял сосед, дядька Павел, и мерзко ухмылялся. Никогда раньше мне не доводилось видеть такой гнусной, шакальей улыбочки. По позвоночнику вниз скользнула холодная капля ужаса. В глазах дядьки Павла не было прежней чуть пьяненькой, игривой маслянистости. Взгляд был холодным и склизким, как ступени в подвал бабы Итки, что жила напротив нас. Я изредка, по маминой просьбе, лазала в подвал для соседки, когда старую Итку совсем разбивал ревматизм и потому знаю, насколько опасные и противные на ощупь эти, ледяные даже в жару, ступени.

Несмотря на то, что вечерняя площадь перед автовокзалом была полна людей, мне показалось, что я совсем одна стою напротив обозленного мужчины. Тихо пискнув от ужаса, я развернулась и побежала, куда глаза глядят.

Я бежала на пределе сил, задыхаясь и петляя, как перепуганный заяц. Мимо мелькали какие-то заборы и обшарпанные стены. Несколько раз я опасно споткнулась. Но, видимо, Бог все же есть на белом свете. Я сумела удержаться на ногах. И даже почти не сбилась с ритма.

Поворот. Канавка. Грязная разбитая колея под ногами. Тухлая цветущая вода в канавке. Почему не высохла в такую жару? Снова поворот. Легкие уже горят от недостатка воздуха. Я слишком поздно замечаю под ногами не то камень, не то короткий обрубок бревна, и все-таки спотыкаюсь, на лету хватаясь за корявый, словно побитый молнией угол какого-то здания. Мне удается удержаться на ногах, но пальцы словно огнем обжигает. Наверное, разодрала до

крови. Про боль я забываю тут же, свернув за угол и уткнувшись носом в добротный каменный забор. Тупик.

Мне хватает одной секунды, чтобы понять: выход отсюда только один. Тот, по которому я сюда прибежала. Ноги сами несут меня прочь из этой проклятой ловушки. Но я не успеваю.

На том самом повороте, где я ободрала пальцы и едва не упала, уже стоит дядька Павел. Быстро бегают, сволочь!

Я со злорадством понимаю, что ему тоже не хватает воздуха. Но задыхается он сильнее меня. Вон, даже пополам согнулся. Может, успею проскочить мимо, пока он отдышится?

Но стоило мне только дернуться, как сосед со злым рыком распрямился:

– Ну, козочка, допрыгалась? Иди сюда, иди к папочке!

Надежда на спасение во мне умерла, еще не родившись. Запоздало пришло понимание, что я сама себя загнала в ловушку. Почему я вообще сюда побежала? Почему не вернулась в здание вокзала? Там люди. Там полиция. Он бы меня там не тронул. А я бы позвонила маме. Я постаралась подавить все сожаления. Выберусь, тогда и отругаю себя как следует за дурость.

Сосед наступал. Я пятилась. И все это в жуткой тишине. Сюда почему-то даже городской шум не проникал. Мозг лихорадочно искал выход. Я ведь будущий пилот! Я не имею права трусить! И просто обязана уметь находить выход даже из безвыходных ситуаций.

Мой взгляд метался по окружающим стенам и забору, в поисках спасения. Но чем мне могли помочь старые, изъеденные временем стены и высоченный каменный забор? Или непонятный мусор под ногами? Я окинула взглядом обломки кирпичей, какие-то ржавые жестянки, чей-то рваный башмак, неведь каким ветром сюда занесенный. Чуть дальше, за спиной дядьки Павла, почти у выхода из тупика валялся обломок ржавой трубы. Я физически почувствовала, как у меня загорелись глаза. Если сумею добраться, то без колебаний пушу в ход!

Стоило мне только дернуться по направлению к выходу, как дядько Павел тут же растопырил руки, словно собирался кого-то обнимать. У меня был бы неплохой шанс проскочить у него под рукой, если бы не рюкзак за моей спиной. Может, бросить рюкзак? Но там документы, ключи от дома, телефон, деньги. А завтра надо выезжать.

Пока я растерянно пыталась принять решение, за меня это сделал сосед. Стоявший в метре от меня мужчина, резко сделал полушаг-полупрыжок, метя скрюченными пальцами мне в горло. И вдруг споткнулся о ржавую жестяную банку, валявшуюся между нами, и начал падать прямо на меня!

В первый момент я съежилась, и даже слегка присела, надеясь избежать столкновения. А потом меня словно в спину кто-то толкнул. Я оттолкнулась обеими ногами и нырнула головой вперед под рукой дядьки Павла, попутно, кажется, хорошенько его лягнув.

Я теперь точно знаю, Бог есть на белом свете! Потому что я не только не упала, но и, умудрившись сохранить равновесие, легко перекувыркнулась на руках, ничем не поранив ладони. Удар сердца, и желанное оружие оказалось у меня в руках. На адреналине, я легко вздернула над головой неожиданно увесистый обрубок трубы и на пятках развернулась к обидчику. Теперь я диктую правила игры!

Дядько Павел обнаружился в нелепой позе на коленях, уткнувшись головой в ту стену, под которой я стояла. А от его головы вертикально вверх, по кривым изломам ощерившейся каменными клыками поверхности, тянулись, блестящие, словно лаковые, алые штрихи.

Труба с глухим «бум!» выпала из моих пальцев.

Глава 5

Страх. Естественный движок инстинкта выживания. Что было бы, если бы человек ничего не боялся? Не боялся сделать шаг из окна с того этажа. Сунуть руку в пылающий огонь. Танцевать на краю пропасти.

Человек в таком случае просто не выжил бы как вид. В данном случае страх является предохранителем, ограничителем, внутренним тормозом. Это естественная и необходимая реакция, выполняющая защитную функцию.

Но есть и другие страхи. Не обоснованные, ограничивающие нашу внутреннюю свободу, разрушительные страхи. Одним из таких страхов является страх отвержения. Этот страх, не связан с опасностью для жизни, но переживается очень схоже. Он заставляет человека подстраиваться под ожидания других, порождает страх критики, оценки, а то и наказания. Порою даже за вымышленные проступки. И страх давит могильной плитой, душит, не дает действовать и рассуждать здраво.

Там, в грязном тупике, увидев кровь соседа на стене, я лишилась возможности думать, рассуждать и без оглядки кинулась в объятия страха. Да что там страха! Мной двигал ужас. Я не смогла заставить себя даже приблизиться к соседу. Просто повернулась и стремглав понеслась прочь.

Как добралась домой – не помню. Ввалилась в дом, готовая на все: ненавистное замужество, валяться в ногах у отца и вымаливать у него защиту. Даже готова была увидеть в нашей скромной гостиной полицию, пришедшую меня арестовать.

Я убийца.

Но дом встретил меня тишиной. Я вихрем пронеслась по комнатам. Никого. Лишь на стареньком кухонном столе, застеленном веселенькой клеенкой в желтую и красную клетку, обнаружилась краткая записка:

«Дочь!

Нас неожиданно пригласил на ужин папин начальник, пан Черный. Он живет, если ты не помнишь, в начале нашей улицы. Если вернешься не слишком поздно, приходи.

Твои родители.»

Записка была придавлена кружкой с еще теплым молоком. Наверное, Стешка опять капризничала и отказывалась его пить.

Раз молоко еще не остыло, значит, ушли недавно. Значит, еще не поздно присоединиться к семье.

Но я даже в самом диком сне не могла представить себя сейчас чинно ужинающей за столом в доме пана Яна. Адреналин выжигал кровь и требовал действия. К тому же я дико боялась, что за мной вот-вот придёт полиция. Как быстро найдут труп? Или уже нашли? Я представила, как в дом пана Черного вламывается полиция в бронежилетах и с автоматами наперевес. Как меня выводят, заломив руки назад и на ходу зачитывая мне мои гражданские права. И содрогнулась. Особенно от выражения лица папы, нарисованное неумной фантазией.

Страх, бурлящий в крови воскресной газировкой, не давал успокоиться. И я металась по дому, не зная, куда бежать, что предпринять. В голове все смешалось.

Зачем-то я забежала в ванную. Щелкнул выключатель. Два огромных черных омута, до предела наполненных ужасом, вместо моих темно-карих глаз напугали до визга. Электрический свет, запутавшийся в моих локонах, превратил упавшие на лицо волосы в кровь на бело-снежной свадебной фате. Я в ужасе отпрянула от зеркала и несколько секунд беззвучно хватала ртом воздух.

Вообще, я рыжая, как осенний лес. В школьных постановках всегда была Белочкой, Лисичкой или Осенью. От мамы мне досталась очень светлая и нежная кожа и хрупкое тело-

сложение. Так что подобные роли мне подходили идеально. Воздушное изящество не портили даже несколько мелковатые для изящного девичьего личика папины глаза. На меня давно уже заглядывались мальчишки. И в чем-то я даже могла понять дядьку Павла. Но сейчас от меня с воплями убежал бы любой. Настолько жутко и потусторонне я выглядела.

Холодная вода немного помогла. Во всяком случае, после умывания частично вернулся румянец, и я уже не напоминала оживший труп. Растрепанные пряди по-прежнему падали на лицо и, намокнув при умывании, неприятно липли к коже. Схватив расческу, я принялась с остервенением чесать спутанные волосы, печально размышляя о том, что вряд ли мне позволят в тюрьме оставить такую длину волос. Будь проклят этот дядько Павел! А ведь теперь и все мои деньги пропадут, ведь родители вряд ли смогут вернуть уже заказанные билеты. Мои руки замерли.

В зеркале отразились загоревшиеся в глазах огоньки надежды. Ведь это выход! Академия! Билеты не только заказаны, но и уже оплачены. Если сдам экзамены и стану курсантом, то меня вряд ли вернут на Землю для разбирательства. Ведь где-то на сайте я читала, что со своими курсантами Академия разбирается самостоятельно, не прибегая к законам той расы, к которой принадлежит курсант. А если принесу присягу, то автоматически стану полноправным гражданином Звездного Альянса.

Дальше я действовала как на автомате. Заплела волосы в две французские косы, кончики которых спрятала под бейсболку. Оделась. Покидала в рюкзак кое-то из одежды и белье. Все равно на территории Академии гражданское под запретом. Та что много брать нет смысла. Также в рюкзак перекидали предметы личной гигиены, кое-какие дорогие для меня вещицы. В гостиную я вытащила из-за стекла групповое фото нашей семьи. На сердце защемило. Увижу ли я их еще когда-нибудь?

Последним пунктом стала кухня. Ниже маминой записки я торопливо нацарапала свой ответ. Постаравшись не вдаваться в подробности, объяснила, как стала убийцей соседа. И, раз уж я совершеннолетняя, и обязана отвечать за свои поступки, лучшим выходом вижу побег. Так как не хочу сидеть в тюрьме. И не хочу, чтобы папе было за меня стыдно. Чтобы в братьев тыкали пальцами и дразнили.

Дрожащими руками положила рядом с запиской свой телефон. По телевизору рассказывали, что работающий сотовый телефон помогает вычислять местонахождение человека. А в космосе телефон вряд ли мне понадобится.

Вот и все. Сердце захлебнулось ужасом. Но я решительно распахнула дверь на улицу.

Спустя неделю

Прошедшая неделя стала моим персональным адом. Уйдя вечером из дому, я еще успела на последний автобус до соседнего областного центра. В город приехала затемно. А поезд, который должен был довезти меня до ближайшего космодрома, будет только завтра после обеда. Я дико боялась оставаться ночевать на вокзале. Но еще больше я боялась идти в гостиницу. А вдруг покажу паспорт, а я в розыске? И дежурный администратор тут же вызовет наряд полиции? Так бесславно и закончится мое путешествие.

Мне повезло. Пока я оглядывалась по сторонам, стараясь не показать окружающим свой страх, в меня врезался мчащийся на всех парах маленький мальчик. Пока я решала, что делать с проказником, подбежала его запыхавшаяся мама с еще более маленькой девочкой на руках. Извиниться передо мной за его хулиганство мальчишка ей не дал, ужом вывернувшись из-под маминой руки и снова срываясь в забег. Его мамочка только горестно вскрикнула. Еще бы! С крошкой-дочкой на руках сильно не побегаешь. Не раздумывая, я сорвалась в погоню за мелким хулиганом.

Изловив озорника, я уже не выпускала из рук капюшона его курточки. Так и довела его до вконец измученной и смущенной матери. И получила свои заслуженные извинения и бла-

годарности. А потом и робкую просьбу помочь присмотреть за сорванцом хотя бы до прибытия поезда. Я не раздумывая согласилась. И уже через пять минут оказалась в относительно тихой и спокойной комнате для матерей с детками.

Второй раз мне повезло, когда, разговорившись с пани Анной, мы выяснили что нам обоим нужно попасть в Лунный космопорт. Пани Анна летела с детьми к мужу на один из спутников Юпитера. Далее мы решили путешествовать вместе. Я помогала присматривать за детьми. Пани Анна пыталась меня подкармливать, сокрушаясь, что я ничего не ем. Я ссылалась на отсутствие аппетита из-за того, что сильно нервничаю перед вступительными экзаменами. Я не видела смысла скрывать цель своего путешествия. Да и нужно же было хоть как-то оправдать мою нервозность. Ведь несмотря на то, что рядом с пани Анной и ее детьми я чувствовала себя в относительной безопасности, все равно сама себе напоминала сжатую до отказа пружину. А каждый раз, когда на горизонте появлялась полицейская форма, мое сердце замирало. И я не могла расслабиться, пока представитель правопорядка не исчезал с глаз.

Но все хорошее имеет свойство рано или поздно заканчиваться. И вот мы уже в Лунном космопорту, выходим из рейсовой ракеты Земля – Луна. И со всей доступной нам скоростью мчимся вперед, так как уже давно объявили посадку на космолет пани Анны.

Прощание вышло очень скомканным. Времени не было, посадка заканчивалась. И, как только захлопнулись двери перехода, в котором исчезла пани Анна, на меня снова навалилось одиночество и страх. До прилета нужного мне лайнера оставалось три часа. Меня ждала Прана. Планета, с которой меня и еще нескольких абитуриентов заберет транспорт Академии. Я сделала еще один шаг к своей мечте.

На борту космического лайнера «Оронт» я провела в общей сложности трое суток. Из которых я практически ничего не запомнила. И не по тому, что я все время спала, или где-то пряталась, переживая очередной приступ паники. Нет. Ужас перед разоблачением почти исчез. Или трансформировался в почти терпимый страх. В первую очередь потому, что на борту лайнера я была единственным человекоподобным существом. Остальные существа были инопланетниками разной степени схожести с генотипом человека. А потом уже потому, что на борту «Оронта» не происходило ничего интересного для меня.

«Оронт» принадлежал расе фарнов, чьими далекими предками, возможно, были какие-то инсекты. Во всяком случае, сами фарны своими нескладными, непропорционально длинными конечностями напоминали мне земных кузнечиков. Этаким прыгунчик темно-фиолетового цвета, вставший на задние, более длинные лапки. Сходство увеличилось, когда я разглядела у некоторых фарнов дополнительное веко на круглых, лишенных бровей и ресниц, глазах. Это веко появлялось у тех фарнов, которые работали с аппаратурой и превращало их глаза в глаза стрекоз. Возможно, данное явление было призвано защитить глаза фарнов от излишне яркого света. Я поклялась себе, что изучу всех представителей Звездного Альянса, все их особенности, при первой же возможности.

Экипаж «Оронта», на сколько я поняла, состоял из одних фарнов. Как и большинство пассажиров. Хотя, вдалеке, при перемещении по палубам «Оронта», я видела представителей других рас. Но большое расстояние помешало мне определить их расовую принадлежность. Собственно, наблюдение за инопланетниками было моим единственным развлечением, пока длился полет.

И вот, наконец, Прана. И я с восторгом, широко распахнутыми глазами, наблюдаю на обзорном экране за стыковкой с внешним шлюзом центрального космопорта Праны настоящего космического крейсера с символикой Звездной академии на борту.

Я почти у цели.

Прана была последней точкой, откуда крейсер Академии забирал абитуриентов. Кстати, в переводе со всеобщего его название звучало как «Посредник».

На Пране абитуриентов оказалось мало. Всего четыре человека, включая меня. Хотя, наверное, правильнее будет сказать четыре существа. Потому что двое из троих были шурфами – серовато-белая кожа, очень низкий рост, волосы настолько рыжего оттенка, что я на их фоне казалась серой молью. Третьим был представитель уже знакомых мне фарнов.

После проверки личности нас четверых провели коротким коридором к корабельному лифту и подняли, на сколько я могла судить, на верхнюю палубу. Я ожидала всего, чего угодно. Но того, что за распахнувшимися створками лифта окажется огромное помещение наподобие земного актового зала, я не ожидала.

На первый взгляд тут царил хаос. Существа беспорядочно перемещались с места на место, общались между собой, что-то пили и жевали. Далеко не сразу я поняла, что такой кажущийся беспорядок из-за того, что свободное пространство было непосредственно перед лифтом. Дальше помещение занимали стройные ряды каких-то странных кушеток. А под дальней стеной было не то возвышение, не то стеклянный шкаф, над которым помещался огромный обзорный экран.

На все это я вытаращилась в немом восторге, застыв едва ли не на пороге лифта. Все, начиная от помещения и мебели и заканчивая живыми существами, было таким чуждым, непривычным, но таким необъяснимо притягательным, что я забыла, как дышать. Очнувшись от прилетевшего в спину нехилого толчка и злобного бормотания одного из шурфов на всеобщем:

– Идиотка, чего рот разинула? Гнус инопланетный!

Я буквально задохнулась от обиды, но высказаться не рискнула, так как не была уверена в том, что правильно перевела. Я, конечно, за три месяца выучила очень много. Но ни звуковых, ни видеозаписей на всеобщем у меня не было. И поправить меня тоже было некому. Поэтому в правильности своих знаний, особенно в области оскорблений, я сомневалась.

Все сомнения развеялись, стоило только взглянуть на сопровождающего нас мужчину в форме с эмблемой Звездной Академии. Инопланетник неопознанной мною расы с осуждением смотрел на наглого шурфа. А потом и вовсе произнес прохладным, чуть шипящим голосом:

– Абитуриент! Ваше поведение недостойно курсанта Звездной Академии. Об этом инциденте будет доложено командованию.

Шурф скривился. Его щеки стали коричневыми от прилившей к ним краски стыда. Во всяком случае, я надеюсь, что это был не гнев. Начинать свой путь курсанта с конфликта мне не хотелось. И, прежде, чем успела задуматься над тем, что делаю, я выпалила:

– Прошу прощения! Боюсь, что тут есть и доля моей вины. Меня так поразило увиденное, что я позабыла о том, что я не одна. И что мне необходимо отойти в сторону и освободить дорогу.

Янтарные глаза равнодушно взглянули на меня. С изумлением заметила, что у нашего сопровождающего вертикальный зрачок. Но задуматься над этим явлением не успела. Инопланетник все тем же чуть шипящим, безразличным тоном ответил:

– И тем не менее, абитуриент не имел права оскорблять другого абитуриента. На этом считаю инцидент исчерпанным. Займите свободные места. Прибытие на Лурану через четыре крона*.

Взмах рукой куда-то влево. И я с неудовольствием отметила, что в помещении стало тихо. Все замерли и смотрят на нас и нашего сопровождающего.

Какое-то время было тихо. Я изучала аборигенов. Толпа изучала новоприбывших. Но вот потихоньку существа зашевелились, загомонили. Позы стали более расслабленными. И я поняла, что наш сопровождающий ушел.

Из толпы выскользнул и направился в нашу сторону зеленый человечек. Почти такой же, каким иногда рисовали инопланетян у нас, на Земле: ярко-зеленый цвет кожи, круглые, лишённые бровей и ресниц глаза, вместо ушей странного вида воронки. И я бы охотно поулы-

балась с его внешнего вида. Или даже засмеялась бы. Вот только смеяться с двухметрового громилы с косой саженью в плечах было страшно. Оскорбится, и прибьет как муху.

Зеленый амбал приблизился к нам и представился:

– Я Фин Анн. Здесь все разбиты на команды. И моя команда не полная. Предлагаю присоединится. Легче будет на экзамене по физической подготовке.

Шурфы снова отличились. Презрительно фыркнув, оба отвернулись и, отпихнув меня в сторону, направились вглубь помещения. От неминуемого падения меня спас фарн, удержав за плечи и одновременно говоря Фину:

– Зовите меня Муррл. Я принимаю твоё предложение.

– Муррл?...

– Просто Муррл. Вы мое полное имя с непривычки не выговорите.

Зеленый и фарн пожали друг другу руки и Фин посмотрел на меня:

– А ты?

Я решила, что для меня непозволительная роскошь отказываться от любой помощи, поэтому торопливо кивнула:

– Я тоже принимаю твоё предложение. Меня зовут Кристина Шваб. Можно просто Крис. Фин и мне пожал руку. А потом повел нас устраиваться.

В команде должно было быть десять существ. Вместе со мною и Муррлом было девять. Одного не хватало. И я не знала, чем нам этот факт грозит.

Фин отвел нас почти в самый угол помещения, к своей команде. Указал свободные кушетки. Их здесь называли биомодулями. И представил остальных. Они все были огромными и зелеными представителями системы Кассиопеи. И называли себя игумарами. Имена у всех были короткими и сильно между собою похожими. Так что я сразу же запуталась, кто из них кто. Фарна Муррла приняли с нескрываемой радостью. Оказалось, что, несмотря свою на внешнюю «засушенность», фарны обладали недюжинной физической силой. А это значительно повышало шансы команды на поступление.

Ко мне же отнеслись с некоторой настороженностью. Земля всего несколько месяцев, как стала полноправным членом Альянса. И что можно ожидать от землян, никто не знал. Я была для команды «темной лошадкой».

Без неприятностей не обошлось и тут. Фин громко назвал мое имя и расу своей команде. А потом стал представлять мне своих соотечественников. Пока он перечислял их имена, рядом, прямо у меня за спиной, начали громко смеяться. И чем дальше, тем громче и оскорбительней звучал смех. Появилось неприятное чувство, что смеются надо мной.

Почему я так решила, не знаю. Но, к несчастью, оказалась права. Как только Фин замолчал, меня дернули за руку, разворачивая лицом к другой команде, состоявшей сплошь из одних представителей звездной системы Тау Кита. Они именовали свою расу «киллы», имели близкий к человеческому генотип и невероятную заносчивость. Я только начала читать про эту расу, привлеченная звучным названием их звездной системы, но уже знала, что эти обладатели светло-оливковой кожи и блестящих черных волос надменны, словно они близкие родичи Бога.

Вот и сейчас одна из них, высокая девица с короткой стрижкой, надменно кривила губы в мою сторону:

– Ты и правда землянка?

Я молча кивнула. И тут же ощутила довольно сильный тычок под ребра. Кто-то из киллов прошипел:

– Отвечай. Когда тебя спрашивают, мошкара.

Я не была уверена в правильности перевода последнего слова, поэтому просто его проигнорировала, подтвердив вслух свой кивок:

– Да, я с Земли.

Девушка вновь брезгливо задала вопрос:

– И что ты тут делаешь, насекомое?

Один из игумар возмутился:

– Ваша принадлежность к одной из старейших звездных рас не дает вам права оскорблять младших членов Альянса.

Киллы все, как один, надменно расправили плечи. А противная девушка снова фыркнула:

– Кому она нужна, чтобы ее оскорбляли! Я сказала правду. По сравнению с нами земляне – мошкара, живущая один световой день. Она ведь даже никаких толковых навыков не успеет приобрести, как ее жизненный путь закончится. Так чего, спрашивается, она сюда лезет? Однодневка!

Девушка отвернулась.

А меня словно бетонная плита придавила. Как это я не успею приобрести никаких навыков? А как же моя мечта летать в космосе?

Кто-то обнял меня за плечи и слегка встряхнул. Судорожно вздохнув, я подняла голову и обнаружила, что окружающая действительность расплывается, словно отгороженная залитым водой стеклом. Надо же, даже не заметила, как на глаза навернулись слезы.

Меня снова легонько встряхнули, и я услышала:

– Не реви из-за киллы. Они уважают только себя. Остальные расы годятся только прислуживать им.

Голос оказался суховатым, чуть потрескивающим. Проморгавшись, я обнаружила, что меня за плечи обнимает нескладная конечность Муррла. Сам фарн слегка улыбался, как бы говоря: «Делай, как я. Не обращай внимания.» На сердце потеплело. Стало чуть легче дышать. Но успокоится окончательно не получилось.

Противная девушка вдруг вернулась с каким-то невзрачным баллончиком в руках:

– Что-то тут тараканов многовато развелось! Надо провести санитарную обработку!

Распылить содержимое баллончика девушке не дал все тот же Муррл, схватив ее за руку и сильно сжав запястье. Девушка заверещала. Нас с Муррлом стали окружать с одной стороны соплеменники склочной абитуриентки, с другой – члены нашей команды. Дальше стали подтягиваться другие любопытствующие.

Муррл давно отпустил ее руку, но девушка не затыкалась. Ее визгливый голос разносился по всему большому помещению. И, закономерно, привлек внимание кого-то из сотрудников Академии.

Рядом с нами, ровно между мной и истеричкой, толпа абитуриентов вдруг расступилась. В проходе появился высокий худощавый мужчина в темно-синем комбинезоне, напоминающим мягкий скафандр. На его левом плече сверкал и переливался не знакомый мне символ. Все затихли. Казалось, толпа даже дышать забыла. В глазах у киллы мелькнул страх. Вряд ли кто-то еще, кроме меня успел заметить неподходящую эмоцию заносчивой девушки. Но я заметила. И задумалась. Кто же этот мужчина, которого испугалась надменная килла?

Внешне он был почти как человек. Если бы не некоторые мелкие различия. Чуть менее округлые уши. Волосы на голове почти нет. Собственно, волос тоже не было. Заднюю часть головы покрывал рыжевато-русый пушок. А лобную часть головы покрывали не то складки кожи, не то чешуйки, складывающиеся в узор змеиной кожи. Также мне показалось, что у мужчины был вертикальный зрачок. В полной тишине раздался его холодный равнодушный голос:

– Абитуриент Хоо, что тут происходит?

Девушка встрепелась:

– Эта дикая землянка на меня напала! На меня, киллу!

Я почувствовала, как у меня округляются глаза. Но возмутиться не успела. За меня снова заступился Муррл:

– Командор Тран, разрешите обратиться?

Мужчина кивнул. Так он, оказывается, командор? Такой молодой? Или это только кажется, что ему не больше тридцати лет?

Муррл тем временем начал описывать всю ситуацию. Когда он закончил, Тран обратился к остальным:

– Кто еще может подтвердить слова этого абитуриента?

В воздух взметнулись руки моей команды.

– Больше никто ничего не видел и не слышал?

Тран равнодушно оглядывал толпу. Словно ему все равно. Словно ему нет никакого дела до того, что тут происходит. Но под его немигающим взглядом все опускали глаза.

Но вот кто-то еще в толпе поднял руку. Потом еще. Еще. И еще. И вот уже киллы стоят в меньшинстве. Тран кивнул и повернулся к девице:

– Абитуриент Хоо, почему вы солгали?

*Крон – единица времени, принятая в Звездном Альянсе. Равняется 70 земным минутам.

Глава 6

Хоть происшествие с противной девицей и оставило неприятный осадок, но забылось все быстро. Поддерживать ее глупости никто не стал. Все просто переключились на обсуждение командора Трана.

Тран действительно оказался очень молод, как мне и показалось. Я бы даже сказала, неприлично молод, для такого звания. Мне было любопытно, как так получилось, но задать вопрос напрямую я постеснялась. Еще сочтут деревней дремучей. А из услышанных обрывков разговоров ничего понятно не было. Обсуждали Трана все. Я сделала для себя вывод, что между землянами и инопланетниками в юном возрасте особой разницы в поведении нет.

За сплетнями о командоре Тране незаметно пробежало время полета. И вот над головами раздается четкая команда занять индивидуальные биокапсулы. Я подходила к своей с некоторой опаской, гадая, сумею ли справиться с этой помесью стоматологического кресла и детской люльки. Но все оказалось просто. Как только я забралась внутрь и, по подсказке Муррла, присоединила биометрические датчики, капсула сама подстроилась под мои параметры. И я оказалась в уютном коконе.

Наш крейсер был достаточно скромных размеров. Что позволило ему сразу опуститься на поверхность Лураны, не прибегая к посредничеству внешнего космопорта.

А на Луране уже была ночь. Прозрачная, звенящая, опьяняющая. Как французское шампанское, которое я попробовала на прошлое Рождество в доме у пана Черного. Мириады бриллиантовых звезд висели над головой так низко, что казалось, протяни руку – и прикоснешься. Легкий ветерок стыдливо шептал на ушко о чем-то интимном и легко щекотал ноздри незнакомой прохладной и терпкой пряностью. Такой вкусной, что хотелось попробовать ее губами.

Пока я пыталась надышаться незнакомыми ночными ароматами, пока дошла очередь нашей команды спускаться по трапу, вошла местная луна. Это случилось как-то сразу. Вот только что на нас с высоты смотрели только приветливые звезды, и вдруг – раз! Будто шкатулка открылась, и на небо выкатился огромный розовато-лиловый шар, весь окутанный золотистой дымкой. Ночной воздух запел, зазвенел, переливаясь золотистыми струйками. Мы все оказались словно обсыпанные золотистой пудрой. Идущий справа от меня Фин Анн вдруг превратился огромного жука-бронзовку. А темно-фиолетовая кожа угловатого Муррла стала похожа на лепестки какого-то экзотического растения. Я начала хихикать. Муррл улыбнулся:

– Смешно? Ты бы себя сейчас увидела.

Я на мгновение призадумалась. Ну что может быть во мне смешного? Кожа стала золотистой? Ну и что? А потом поняла. Я, когда ложилась в капсулу, сняла с головы бейсболку, с которой не расставалась в последнее время. Пусть, за неделю в дороге у моей головы не очень-то презентабельный вид, но с такой шикарной пудрой...

– Какого цвета у меня сейчас волосы?

Муррл улыбнулся еще шире:

– Плохо видно. Ты же их спрятала. Распусти.

Я скривилась.

– Ну, пожалуйста!

– Муррл, у меня несколько дней не было возможности привести голову в приличный вид.

– Крис, ну пожалуйста! Буду должен! Я никогда не видел волос такого цвета, как у тебя!

Да еще и с таким освещением! Пожалуйста!

И Муррл, это великовозрастное дитяtko, смешно сложил перед собой удлиненные угловатые руки в умоляющем жесте.

Я сдалась. Пихнула ему в руки свой рюкзак. И, пока мы стояли на месте, торопливо расплела свои косицы, на ходу расчесывая спутанные пряди пальцами. Шаловливый ночной

ветерок тут же подхватил мои кудряшки и растянул их на своих призрачных пальцах. Золото ночного светила запуталось в локонах и загорелось торжествующим пламенем. Послышался дружный вздох.

Я оглянулась. Окружающие меня абитуриенты дружно пялились на меня, как на восьмое чудо света. С восхищением, недоверием, восторгом. И только взгляд вынырнувшего из-за спин абитуриентов командора Трана был ледяным. А его губы кривились от презрения, когда он процедил:

– Абитуриент Шваб! Здесь не гламурный подиум! Приведите себя в порядок немедленно!

Все волшебство ночи разлетелось зеркальными осколками, вдребезги разбитое отвращением на лице Трана.

Я почему-то сочла транспортник, доставивший меня на Лурану, единственным крейсером академии. Оказалось, их три. И в итоге абитуриентов собралось довольно приличное количество. Муррл тихонько шепнул мне, что на гражданском отделении конкурс на некоторые специальности достигал десять существ на место.

Нас развели по нескольким общим спальням, больше похожим на виденные по телевизору казармы, и оставили до утра отдыхать.

Я, с непривычки, так и не смогла уснуть до рассвета. Приглушенные звуки большого помещения, дыхание десятков живых существ. То там, то здесь поскрипывающие под весом тела двухъярусные кровати. Яркий розовато-лиловый свет местной луны, льющийся в незашторенные окна. А в большей степени переживания по поводу предстоящих экзаменов гнали сон прочь.

Нас подняли очень рано. Едва только рассвело. И сразу погнали на огромный стадион. Первым был самый страшный для меня экзамен – физическая подготовка.

Увидев колышущееся море разноцветных голов, я икнула. С таким количеством абитуриентов экзамен продлится не до завтрака, а до конца недели. Моя неправота выяснилась очень быстро.

Нас просто разделили на множество мелких групп. У каждой группы свой куратор-экзаменатор. И автономные видеокамеры. Да-да, экзамен записывался! Я крайне обрадовалась этому обстоятельству, когда выяснилось, что по закону вселенской подлости куратор нашей группы командор Тран. Выражение его лица, когда он увидел группу, состоящую сплошь из девушек, я не забуду никогда.

Особого различия между парнями и девушками академия не делала. Единственной уступкой нашему полу на экзамене по физподготовке было то, что подтягивания заменили наклонами корпуса. И, по-моему, самое настоящее извращение заставляло сначала бежать километровый кросс, а после него «отдыхать» наклоняя туловище из положения лежа.

Когда нас только выгнали на стадион, я мерзла дико. Раннее утро на Луране соответствовало земной погоде глубокой осенью. Даже пар изо рта вырывался при дыхании. Зато потом я согрелась так, что пот заливал глаза.

После наклонов была стометровка на время. К этому моменту я уже жутко устала. Ночь была бессонная. Кто бы заранее сказал, что меня наутро ждет первый экзамен. Да еще и самый сложный.

К старту я подходила как к расстрельной стенке. Накатывало отчаяние. Сил оставалось совсем мало. А права завалить экзамен нет. Хотя бы потому, что денег на обратную дорогу не хватает. Да и что дома? Наказание за убийство ненавистного соседа? Я сжала зубы, со свистом втянув в себя воздух. Не сдамся! Ни за что! Под ледяным взглядом командора Трана я встала на старте и по сигналу побежала. Побежала так, словно за мной гнался дядько Павел за компанию с самой смертью. Так, словно опаздывала на поезд к самой мечте.

Последним нормативом оказалось плавание. Не знаю, зачем этот навык будущим пилотам. Но я расслабилась. Хотя что-то я умею. Хотя что-то могу сделать хорошо.

Так и вышло. В заплыве на сто метров я финишировала первой. Клянусь всеми богами, вылезая из бассейна и улыбаясь во все тридцать два, я отчетливо слышала скрип зубов безупречного Трана.

Естественно, результатов нам никто не сказал. Приведя себя в порядок после тяжелого экзамена, мы собрались прежними отрядами в столовой. И, шумно обсуждая пережитое, гадали, что нас ждет дальше. По-моему, два обещанных мне экзамена медленно, но верно, превращались в миф.

Ближе к концу завтрака посреди столовой появился совершенно седой, морщинистый человек в простом сером комбинезоне без единого знака отличия. Он просто стоял и смотрел на нас. Но под его взглядом разговоры мгновенно стихли. Не доевшие отложили ложки. Не допившие отодвинули кружки. Глаза сидящего рядом Муррла загорелись восторгом. Он склонился к моему уху:

– Поверить не могу, что вижу его живым!

Я недоуменно уставилась на друга.

– Крис, ты что?! Это же Адмирал Вилльер! Живая легенда!

К этому моменту в столовой уже установилась мертвая тишина. И последнюю фразу слышали, кажется, все. Адмирал Вилльер смешливо фыркнул, чуть склонив к плечу седую голову. В уголках его глаз собрались лучики-морщинки:

– Благодарю, абитуриент?..

Муррл вскочил:

– Муррлиоррнал Зу, господин адмирал Вилльер!

– Садитесь, абитуриент Зу. Я рад, что меня еще хоть кто-то помнит. Но сейчас не об этом речь. Во-первых, абитуриенты, я хочу лично поприветствовать вас в стенах старейшего межгалактического учебного заведения – Первой академии Звездного Альянса. Эта Академия существует почти столько же, сколько существует сам Звездный Альянс. Эти стены видели зарю карьеры большей части нынешних политиков, дипломатов и военного комсостава. Учиться здесь невероятно престижно. Диплом нашей Академии откроет перед вами любые двери. Учиться здесь очень тяжело. Но зато наши выпускники высоко ценятся во всех отраслях, во всех галактиках. За нашими выпускниками выстраиваются очереди желающих заполучить из к себе на службу. Я желаю вам удачи в уже стартовавших вступительных экзаменах. И искренне надеюсь, что вы приложите максимум усилий, чтобы успешно их сдать. А также надеюсь увидеть вас всех в новом учебном году уже в качестве курсантов.

Мы разом поднялось и в сотню глоток гаркнули какую-то невразумительную благодарность.

Адмирал махнул рукой, призывая нас сесть на место и добавил:

– По результатам тестирования физической подготовки выбывших нет. После завтрака вас ожидает следующий этап испытаний – с вами будут работать психологи. На психологическое тестирование отведено четыре дня. Те, кто его с успехом пройдут, будут допущены к узкоспециальным испытаниям. Подробнее рассказывать сейчас не буду. Нет смысла. У каждой специализации испытание свое. И только потом проверка вашего общего образования. Успеха вам, дети!

Адмирал, не слушая нашу благодарность, повернулся и покинул столовую. А мы разом загалдели.

Сидящий по другую сторону от Муррла Фин хлопнул его по плечу:

– Ну у тебя и имечко, брат! Я бы точно не выговорил правильно! Слушай, а откуда ты этого – Фин кивнул на середину столовой, где недавно стоял адмирал – знаешь?

Муррл закатил глаза:

– Фин, мне вот очень сильно интересно, как ты с такими знаниями собираешься сдавать Историю Альянса?

И без того круглые глаза нашего «зеленого человечка» стали еще круглее. Мы рассмеялись.

– Слышь, ты, однодневное насекомое, ты еще тут? А в личинку превращаться тебе не пора?

Я растерянно оглянулась. Возле нашего стола стояла незнакомая килла. Ее длинные, в отличие от моей предыдущей «знакомой», волосы были распущены. И килла периодически раздраженно встряхивала головой, отбрасывая свою гриву за спину. Прямо, как норовистая лошадка.

Муррл начал подниматься. И это заставило действовать. Не хватало, чтобы из-за меня отчислили ни в чем не повинного друга.

Дернув друга за руку и заставив сесть на место, посмотрела на неожиданную визитершу:

– Что тебе от меня нужно? Я никого из вашей расы не трогала.

– Ты занимаешь чужое место!

– Чье? Твое?

Килла надменно вскинула голову:

– Может, и мое!

Я изумленно уставилась на девицу. Не знаю как по меркам ее расы, а по земным меркам она была очень красива: матовая оливковая кожа без единого изъяна, совершенные черты лица, словно вырезанные умелым скульптором. А фигура настолько идеальна, что девушка казалась сном.

– Прости. – Килла приосанилась и надменно улыбнулась. – Я как-то не представляю тебя в роли пилота.

А дальше идеальной формы миндалевидные глаза вдруг как-то очень резко приобрели форму блюдца. Килла поперхнулась воздухом:

– П...пилота? Ты рехнулась? Я поступаю на ксенолингвиста!

Последняя фраза была сказана с такой гордостью, с таким пафосом, что я впилась ногтями в ладони, чтобы не захохотать и с трудом смогла выдавить из себя:

– А! Ну вот мы и выяснили, что я никак не могу занимать твое место. Поскольку поступаю на пилота.

Килла недоверчиво уставилась на меня:

– Ты?! Ты – на пилота? Да ты же однодневка! Еще и летать толком не научишься, а уже предки позовут за грань! Выбирай что попроще!

Последняя фраза киллы стегнула меня не хуже кнута. Да какое им всем дело до моих трудностей! От обиды перехватило горло.

И тут кто-то из игумар лениво протянул:

– Слышь, килла, а давай мы эту познавательную дискуссию продолжим на выпускном, после вручения диплома? Если ты, конечно, поступишь.

Девица возмущенно фыркнула, развернулась и ушла.

На этот раз моим утешением занялся Фин:

– Крис, не реви. Киллы – старейшая раса Альянса. Но на этом все их достоинства заканчиваются. Они все поголовно ужасные снобы.

Реветь перехотелось. Вернее, не хотелось совсем. Просто было обидно. И в то же время на сердце стало теплей. Кажется, у меня появились друзья.

Последующие дни для меня слились в одну сплошную полосу каких-то тестов и испытаний. Казалось, мы ни на секунду не оставались одни, без присмотра кураторов и психологов. Тесты на мониторе компьютера сменялись испытаниями на тренажерах. То мне нужно было на время обозначить правильные показания компасов, в то время как над ухом гундел кто-то

из помощников командора Трана. То, подгоняемая самим Траном, я должна была нажимать на разные рычаги и кнопки. И все не просто так. Каждому рычагу, каждой кнопке, каждому тумблеру соответствовал свой цветовой индикатор. Задействовать нужно было строго тот рычаг или тумблер, индикатор которого загорался. А кроме презрительного понукания Трана еще обязательно звучал какой-то шумовой раздражитель. Один раз это была запись какой-то катастрофы с жуткими криками и мольбами о помощи. И это было ужасно.

К вечеру я выматывалась так, что за ужином не в состоянии была даже поддерживать вялую беседу за столом. Впрочем, не я одна. Испытания выматывали всех. К тому же угнетал тот факт, что наши ряды поредели. Трое из игумар не выдержали психологических тестирований и выбыли совсем. Еще один из игумар и фарн Муррл перевелись на гражданское отделение. Теперь нашу команду точно расформируют. Ведь остались только я, Фин и два его товарища. Хотя, особо расстраиваться и не приходилось. Нас бы в любом случае расформировали, поскольку игумары планировали обучаться по специальности «военный техник\специалист по роботехнике», а я твердо решила, что буду летать.

На пятый день пришло время узкоспециальных испытаний. И я впервые увидела тех, кто, как и я, стремился обрести крылья и научиться управлять абсолютно всем: от межзвездного пассажирского лайнера, который, в сущности, на девяносто процентов управлялся автопилотом, до скоростной десантной капсулы, где абсолютно все зависит от мастерства пилота. Наверное, если бы я не была до такой степени уставшей, я бы больше уделила времени своим будущим однокашникам. А так, просто отметила про себя, что профессия пилота особой популярностью не пользуется. Нас было всего двадцать девять существ. И куратор у нас фарн. Засушенный до состояния «кузнечик из энтомологической коллекции». Его кожа имела почти черный цвет. На этом мои наблюдения заканчивались. И начиналось испытание. Заключалось оно в прохождении тестов на наблюдательность и умение быстро решать математические задачи в условиях повышенных перегрузок и кислородного голодания.

Нас предупредили сразу, что те, кто отключиться во время испытания, выбывают без права пересдачи, как профнепригодные.

Задачки были в основном, не сложные, больше ориентированные на внимательность. А самым ужасным было то, что периодически на индивидуальном дисплее возникала картинка прямо поверх решения задачи. Держалась она буквально секунду. Потом исчезала. А мне необходимо было прописать в специальной таблице название увиденного предмета. И это была пытка. В условиях нехватки кислорода, когда дико хочется просто уснуть, отключиться. И крайне трудно удержать ускользающее внимание.

После завершения всех попыток из комнаты для испытания я вышла на подгибающихся ногах. С ужасом понимая, что мне очень-очень хочется если не лечь, то хотя бы опуститься на пол. Но я себе этого позволить не могла. Поэтому, сцепив зубы, я по стеночке поплелась в столовую.

За ближайшим поворотом наткнулась на лежащего на полу незнакомого гуманоида. Смутно помнилось, что он, вроде бы, тоже проходил испытания на пилота. Стало чуточку легче от осознания того, что кому-то еще хуже, чем мне. И в тоже время я заволновалась. Мало ли, вдруг инопланетник умирает?

До столовой еще было достаточно далеко. Куда ближе была комната испытаний. Так что я повернулась и со всей доступной скоростью поковыляла обратно.

Далеко идти не пришлось. Прямо за углом я столкнулась с командором Траном в компании того самого «засушенного» фарна, который проводил у нас профессиональные испытания. Удивительно, но Тран не скривился презрительно при виде меня, как обычно. Обеспокоенно посмотрел и спросил:

- Что-то не так, абитуриент Шваб? Или вы что-то забыли?
- Нет-нет, ничего не забыла. Но там, за углом...

Меня не дослушали. Тран мгновенно исчез за углом. Куратор-фарн задержался. Чтобы спросить:

– У вас самой все в порядке? Вы очень бледны.

Я постаралась стать ровнее:

– Спасибо, я в порядке. Только устала очень.

Куратор, имя которого я не могла вспомнить, понимающе улыбнулся:

– Усталость – это ничего. Отдохнете, и пройдет. А вы молодец! Очень хорошие показатели на испытании выдали. Один из лучших результатов. Честно говоря, не ожидал. Девушка, землянка. Слабое, по сути, существо. И вдруг такая стальная воля! Вы будете одним из самых лучших пилотов! Возможно, даже Вилльера переплюнете!

С этими словами куратор ушел. А я осталась стоять посреди коридора с разинутым ртом. У меня есть шанс переплюнуть в мастерстве легендарного адмирала? А я точно не сплю?

После проф испытаний в группе потенциальных пилотов осталось двадцать пять существ. В том числе и я. Впереди были только экзамены по общим предметам. И после пережитого это было уже не страшно. Тем более, что лично я из четырех экзаменов сдавала только два, спасибо родной школе и отличным отметкам.

Первым я сдавала экзамен по всеобщему языку. От нас требовалось написать эссе на тему своей родной планеты. Я надеялась сесть рядом с Муррлом и моими новыми друзьями, но нас разделили. Военное и гражданское отделения писали эссе в разных аудиториях. Конечно, еще оставался Фин. Но игумары предпочли компанию будущих роботехников. Мне там делать было нечего.

Пришлось идти к «своим». Претендующие на места пилотов особой дружелюбностью не грешили. Но и излишней агрессии, как у киллов, не было. Когда я к ним подошла, все уже сидели по парам. Только один стол впереди был свободным. Туда я и поместилась. Активировала лежащий на столе планшет, их здесь называли терминалами, и ввела свои данные.

По аудитории уже расхаживали кураторы. Но экзамен еще не начался. Абитуриенты занимались кто чем. В основном, как и я, разглядывали будущих однокашников. Мы все были гуманоидного типа. Отличия, как правило, были небольшими. Максимум отличий, как я уже знала, было у фарнов, игумар и яоху.

Яоху меня завораживали особенно. Высокие, очень гибкие, такие гибкие, что казались бескостными. Яоху отличались полным отсутствием волосяного покрова на теле. Вместо волос на голове у них были кожные складки самых разнообразных цветов. Черты лица у яоху были тонкие, хищные, пугающе-завораживающие. Из справочника по расам я знала, что генотип яоху совершенно не совместим с другими гуманоидами. Если сравнивать очень грубо, то эта раса была очень далека от млекопитающих.

Пока я глазела на нескольких представителей яоху в аудитории, у меня появился сосед. Я обернулась на опоздавшего и...

Я никогда в жизни не видела такого цвета глаз. Это было морская вода, виденная мною только по телевизору, пронизанная до самого дна солнечными лучами. Это была драгоценная золотая бирюза, вся в золотистых искорках. В глубине этих невероятных глаз тлел золотой огонек, согревая и маня к себе. И я, как малыш к леденцу, потянулась к этому огоньку. Глупое сердце сделало кульбит. А потом замерло, словно чего-то ожидая.

И дождалось. Обладатель так поразивших меня глаз широко и тепло улыбнулся, словно даря мне себя:

– Я Вальтан.

И голос такой, мелодичный, хрустальный, как описывались голоса в книжках про эльфов. Совсем не похожий на мужской голос. И в то же время идеально ему подходящий.

Я поймала себя на том, что сижу с глупо открытым ртом и с обожанием смотрю на своего нового знакомого. Удушающая волна стыда затопила от макушки до пяток. У меня, наверное, даже ресницы от смущения покраснели. Вальтан улынулся еще шире:

– Ты такая красивая, когда смущаешься. Так как тебя зовут?

– Кристина. Крис. А...

В аудитории раздался протяжный сигнал, помесь гудка и нашего, земного школьного звонка. Разговор пришлось отложить. Экзамен начался.

Я заранее решила, что писать буду на нейтральную тему – о природе Земли. Но даже такая тема требовала от меня определенных усилий. Всеобщий язык я начала учить только четыре месяца назад. И, если разговор на бытовые темы мне уже давался без труда, то эссе требовало приложить определенные усилия.

Закончила я в числе последних. Вальтан уже давно ушел. Ушел Фин с друзьями. И почти все пилоты. Когда я наконец нажала кнопку «завершить», ко мне подошел один из кураторов:

– Абитуриент?..

– Кристина Шваб.

Я настороженно смотрела на килла-куратора. К этой расе у меня уже успело сформироваться предубеждение. Но куратор смотрел спокойно, без эмоций:

– Абитуриент Шваб, как давно вы начали учить всеобщий язык?

Меня словно кипятком ошпарили. Неужели завалила эссе? Под ложечкой противно засосало, но я заставила себя ответить спокойно:

– Я начала учить язык сразу же, как по телевизору объявили о том, что Земля теперь полноправный член Альянса.

Килл задумчиво протянул:

– Пятый месяц...

– А что? Что-то не так?

– Вы учили по учебнику, не так ли?

– Верно. Попрактиковаться получилось лишь когда оказалась на звездолете фарнов.

Куратор чуть улыбнулся:

– У вас забавный акцент, абитуриент Шваб. Но, тем не менее, этот акцент очень мешает восприятию. Рекомендую больше практиковаться в разговорном языке. И не просто болтать, а чтобы кто-то, кто находится рядом, поправлял ваши ошибки.

– Я охотно помогу Кристине.

Вздروгнули мы с куратором синхронно. Оказалось, пока мы выясняли мой языковой стаж, к нам подошел Вальтан. Подслушал кусочек разговора и тут же предложил себя в помощь. Я не смогла не улыбнуться.

Куратор только кивнул:

– Очень хорошо, абитуриент Ольвир. Помогите абитуриенту Шваб. Она очень перспективный и интересный экземпляр.

Вся моя симпатия к куратору тут же улетучилась. Я экземпляр?! Но возражать не стала. Хватит с меня конфликтов с киллами. Тем более, что этот конкретный килл – куратор академии, где я очень хочу учиться.

Куратор ушел. А я повернулась к Вальтану:

– Ты что тут делаешь? Что-то случилось?

Вальтан хитро сверкнул на меня золотистой бирюзой своих глаз:

– Я ждал тебя под дверью аудитории. Все уже вышли. А тебя все нет и нет. Решил зайти проверить. Вдруг помощь нужна? Пошли, уже время обеда. А по дороге попрактикуемся в языке.

Мое сердце снова затрепыхалось, как птичка в силках. А я всегда думала, что так бывает только в глупых сентиментальных романах. Оказалось, что в жизни тоже так случается. Похоже, я влюбилась.

Глава 7

Вальтан не прикасался ко мне и пальцем. Но на протяжении всего пути в столовую я не могла избавиться от ощущения, что он меня обнимает. Мне было так тепло и уютно рядом с ним. Я была в безопасности. Я была дома.

Выяснилось, что Вальтан из расы арлинтов. Его родная планета Ара находилась за миллионы световых лет отсюда. Сам Вальтан ее никогда не видел. Еще его дед с бабкой перебрались в галактику Млечный путь задолго до рождения отца Вальтана, подальше от свирепствующих в тех краях пиратов. Почти все арлинты тогда отправились в путь в поисках лучшей судьбы. В нашей Галактике они колонизировали планету в соседней звездной системе. Так что мы, в некотором роде, были соседями.

Потом настала моя очередь рассказывать о себе. Но я успела только сообщить о том, что являюсь землянкой, как мы пришли в столовую.

Как ни странно, на нас с Вальтаном никто не обратил внимания. Пришли, так пришли. Разве что Муррл изумился до побледнения фиолетового цвета кожи.

Мы взяли на раздаче каждый свою порция и Вальтан, не задумываясь, повернул к тому столу, за которым сидели его друзья. Я запнулась. Пусть киллов там не наблюдалось, но мне все равно почему-то стало страшновато.

Вальтан оглянулся и ободряюще улыбнулся:

– Не трусь, Крис! Ты им понравишься!

За столом, к которому меня подвел Вальтан, сидела его команда. Все арлинты. Все парни. И все, как под копирку, красавчики. Я растерянно обвела взглядом девять пар бирюзовых глаз различного оттенка и сглотнула. Местные дамочки меня порвут.

Кое-кто из парней захихикал. А один широко улыбнулся и предложил:

– Выбирай любого, кто понравится! Тут все свободные!

– А? – Я позорно разинула рот от изумления.

Рядом шумно втянул воздух ноздрями Вальтан и приобнял меня за плечи:

– Крис, вот этого умника зовут Ронтон. – И уже своему другу с досадой: – Рон, заткнись, а? Крис все-таки пришла со мной.

Арлинты расхохотались. Вальтан забрал у меня разнос с обедом. Кто-то отодвинул для меня стул. Кто-то еще принес лишний стул Вальтану. Все расселись. Я взяла в руки ложку и...

– И все-таки, Крис. Ты вольна выбрать любого. Если, конечно, кто-то нравится. Я, например! – Ронтон показательно расправил плечи и выпятил грудь.

Все опять рассмеялись. А у меня ложка выпала из ослабевших пальцев. Хорошо хоть еды не успела набрать, а то обрызгалась бы сама и испачкала сидящих рядом. Я жалобно посмотрела на Вальтана. Ну что за дурдом! Куда я попала?

Видимо, моя мимика была достаточно красноречива, и парень понял меня без слов. Повернулся к Ронтону:

– Рон, дай Кристине спокойно поесть. Хватит того, что киллы уже выставили себя в общении с Крис полными идиотами. Не хватало еще, чтобы и о арлинтах земляне думали так же.

Тут же отозвался кто-то слева от меня:

– Я слышал, как килла пыталась устроить скандал. Ее потом Тран лишил возможности сдавать вступительные экзамены. Только не понял, что она там выкрикивала. При чем тут насекомые, тараканы и какие-то однодневки? Крис, прости, если тебе неприятно. Но я правда хочу знать. Никогда заранее не знаешь, какая информация пригодится в будущем. Кстати, я Андор!

Парень, нимало не смущаясь, перегнулся через своих друзей и протянул мне руку. Рука была поймана Вальтаном:

– Анд! Я ничего не рассказывал Крис. Ты уверен, что она знает об особенностях нашей расы? И что все поймет правильно?

Андор смутился и убрал руку. А я насторожилась. Так, срочно найти арлинтов в спранчике по расам! Вальтан тяжело вздохнул:

– Крис, прости, что сразу не объяснил. Я пойму, если ты сейчас встанешь и уйдешь.

Я настороженно посмотрела в золотистую бирюзу его глаз. Кстати, такой оттенок был только у Вальтана. Больше ни у кого золотистых искорок в глазах я не заметила. А Вальтан продолжил:

– Дело в том, что наша раса способна отнимать и поглощать жизненную энергию других рас. Это не смертельно! – Торопливо добавил он, заметив мой испуганный взгляд. – Даже если арлинт сильно увлечется и забудет про меру, то максимум, что ты почувствуешь – это слабость. Мы можем также делиться своей энергией. Но это возможно только посредством сексуального контакта.

За столом стало на мгновение тихо. Я покраснела так, что ушам стало горячо, и не знала куда девать глаза. Положение спас Андор:

– Крис, раз ты не убегаешь от нас с воплями, то объясни, пожалуйста, что там килла от тебя хотела?

Я ухватилась за этот вопрос, как за спасательный круг. И принялась объяснять связь между моей фамилией, насекомыми вообще и тараканами в частности. Выходило у меня очень забавно. В первую очередь потому, что мне не хватало словарного запаса. А во-вторых, Вальтан отнесся к своему обещанию очень серьезно. И в процессе объяснений постоянно меня поправлял. К концу моей речи все за столом уже посмеивались.

Но самое веселье настало, когда Андор спросил, почему килла назвала меня однодневкой. От моих попыток объяснить видовые особенности насекомых-поденок все уже откровенно хохотали. Я надулась и, с трудом, но нашла в галасети с терминала Вальтана статью о эфемероптера*.

Арлинты были впечатлены. Ронтон озабоченно поинтересовался:

– А что, земляне действительно так мало живут?

Я пожала плечами:

– Средняя продолжительность жизни у нас восемьдесят-девяносто лет. Иногда некоторые люди доживают до ста-ста десяти лет.

За столом стало очень тихо. На меня ошарашенно смотрели десять пар бирюзовых глаз. Всеобщую эмоцию высказал Вальтан:

– Так мало?

Теперь пришла моя очередь тарашиться на Вальтана и остальных:

– Мало? А сколько живете вы?

Вальтан передернул плечами:

– Если говорить о арлинтах, то мы живем в среднем пять-шесть сотен лет. А вообще, продолжительность жизни рас, входящих в состав Альянса колеблется от трех до шести сотен лет. Только яоху живут почти в половину дольше.

Информация оглушила. Теперь мне было совершенно понятно, почему килла окрестила меня однодневкой. Выходило, что по сравнению с другими расами, я и вправду как насекомое-поденка. Утром была. А вечером меня уже нет.

Я почувствовала, как меня снова осторожно обнимает за плечи Вальтан:

– Не расстраивайся, Крис. Я уверен, что у твоей расы взамен долголетия, есть множество других талантов.

Я обратила внимание, что Вальтан обнимал меня строго поверх ткани одежды, не прикасаясь к обнаженной коже. Но сказать хоть что-то по этому поводу не успела. Вновь активизировался нахальный Ронтон:

– Да, Крис, я тоже уверен, что у тебя полно скрытых талантов. Настолько уверен, что предлагаю тебе присоединиться к моей команде!

Я удивилась. Помнится, Фин говорил, что в команде может быть не более десяти существ. Арлинтов десять. Так о чем Ронтон говорит? Задать вопрос не успела. Рядом натурально зашипел Вальтан:

– Рон, ты сегодня испытываешь мое терпение! Не кажется ли тебе, что у меня приоритет предлагать Крис что-либо?

Ронтон даже не подумал смутиться:

– Так я же не предлагаю ей обмен энергией! Я всего лишь хочу ее поддержать! Помочь с учебой!

При завуалированном упоминании секса я опять смутилась. Но на меня никто не обратил внимания. Потому, что на этот раз Вальтан уже начал злиться:

– Я и без тебя уже помогаю Крис с учебой! А прежде, чем что-то предлагать, надо убедиться, что тебя понимают! Кристина вот ничего не поняла! Я в этом уверен! Да, Крис?

Мне пришлось кивнуть. Смысл врать, если я действительно ничего не понимаю. Ронтон вспыхнул и извинился, добавив при этом:

– Прости, я как-то не подумал.

Вальтан хмыкнул:

– Не у всех же есть старшие братья, уже закончившие Академию.

Ронтон заметно расслабился:

– Да, Вальт, ты прав. Я не учел это обстоятельство.

Оказалось, что на втором году обучения из курсантов разных направлений обучения формировали команды, пригодные для комплектации военного звездолета. Осознав, что у меня есть все шансы попасть в одну команду с Вальтаном, я заволновалась:

– А кто формирует команды?

Ронтон хмыкнул:

– Вообще, ответственный куратор. Но часто это просто формальность. Если какие-то существа уже нашли общий язык, дружат, знают друг друга и могут результативно взаимодействовать друг с другом, то можно подойти к куратору и сказать, что команда уже готова. Куратор просто утверждает состав.

– А если куратор будет против?

– Крис, если все уже сработалось, то куратору просто не выгодно менять насильно состав команды. Ведь результат работы утвержденной команды влияет и на результат работы куратора.

Мне стало чуть легче, от осознания того, что я все-таки смогу попасть в одну команду с Вальтаном. Если, конечно, он этого захочет.

Вальтан словно услышал мои мысли:

– Ну что, Крис, хотела бы работать со мной в одной команде?

Я почувствовала, как губы сами собой растягиваются в широкую улыбку:

– Под твоим началом?

Вальтан показательно передернулся:

– Ой нет! Никогда не стремился быть капитаном корабля. Я тайник! Разведка и безопасность мне ближе!

Тайник? Чего я опять не знаю? Вальтан очевидно догадался, что я услышала незнакомый мне термин и пустился в объяснения. Я все равно многого не поняла. Но выяснила одно: тайники – это сотрудники специального, тайного отдела. Этот отдел в основном, занимается вопросами безопасности. Как внешней, так и внутренней. На всех звездолетах есть хотя бы один тайник.

Столовую в этот раз я покидала в самом радужном настроении. Арлинты приняли меня, как свою. Почему, я даже не задумывалась. Наверное, как и на Земле, есть расы крайне дружелюбные и открытые, а есть и такие, которые никогда не впустят чужака на свою территорию. И такие, как киллы и шурфы тоже имеют право на существование.

Мы с Вальтаном условились, что будем в одной команде. Ни он, ни я даже тени мысли не допускали, что кто-то из нас не поступит. Оба уже все решили. И пусть почти наверняка мои планы не сходились с планами Вальтана, я верила, что у меня все получится. Ведь когда ты рядом, когда постоянно на глазах, гораздо легче завоевать себе местечко в сердце любимого человека. Пусть не человека, пусть инопланетника. Это ничего не меняло. За очень короткое время я просто заболела Вальтаном. Я им дышала, им жила. Все мои планы теперь строились только вокруг него. В каждой моей мысли присутствовала золотистая бирюза его глаз. Я точно знала, что мы будем вместе. Ничто нам не помешает.

Впереди были последние экзамены.

Два последующих дня я была свободна. То есть, освобождена от экзаменов. Но в одиночестве арлинты меня не оставляли. Учитывая, что экзамены шли устные, это было не сложно. Вальтан с Андором по очереди натаскивали меня по всеобщему языку. У порывистого и чуточку нахального Ронтона на репетиторство не хватало терпения. А по вечерам, когда у абитуриентов было свободное время, мы пропадали ни стадионе. Хотя как я теперь знала, его правильнее было называть полигоном. Потому что предназначалось это обширное пространство не только для занятий спортом, но и для тренировки специфических навыков.

Одним из таких навыков было владение холодным и огнестрельным оружием. Арлинты владели им, на мой неискушенный взгляд, в совершенстве. Когда я неосмотрительно высказала свой восторг по поводу тренировочного боя между Вальтаном и Ронтоном, последний хмыкнул и исчез. А появился через полчаса, с точной копией десантного бластера в руках. Арлинты обрадованно загомонила, окружая Ронтона. А мне в душу закралось нехорошее предчувствие. И как оказалось, не даром. Бластер торжественно вручили мне.

В моей жизни появилась новая попытка. Надо сказать, что десантный бластер, рассчитанный на тренированную мужскую руку, весил не мало. А у меня в руках была хоть и копия, но полная, до мельчайших деталей. Разница была только в том, что выстрелить из муляжа было невозможно. Очень быстро выяснилось, что одной рукой бластер я хоть и поднимаю, но долго удерживать в вытянутой руке не могу. Слабые мышцы приводили к тому, что рука очень быстро начинала дрожать мелкой дрожью, заставляя прицел бластера в моей руке танцевать тарантеллу*.

Парни сначала вдоволь посмеялись над бедною мною. А потом, посоветовавшись, решили, что лучший выход для меня – научиться метко стрелять навскидку, не целясь. И начался ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.